

Искорка 3
1975

газета
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

МАРТ ● 1975

год издания XIX

Мамин день

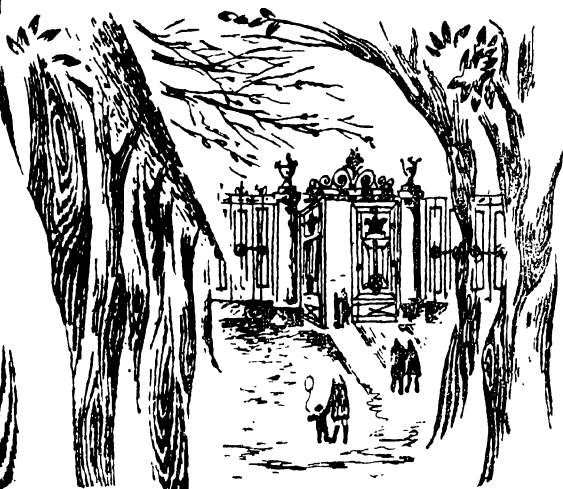
Если спросят, что мне нужно,
Я ответ даю:
— Чтобы листья распустились
К маминому дню,

Чтоб искрилась и сверкала
Милая Нева,
Чтобы солнце разбросало
Нити-кружева.

Встану рано, вместе с солнцем,
Кружева плести —
Я хочу в подарок маме
Их преподнести.

Оля МАШКИТ,
6-а класс, 185-я школа

Рис. Ю. Иванова

ЖИВИ, СОЛДАТ!

КОГДА смеркалось, сержант Елёскин подал команду:

— Вали, Алька, за кашей. Солдат на фронте как сова, только в потёмках пищу принимает.— И пропел: — Солнце скрылось за ели, время спать, а мы не ели...

Ротная кухня дымила в разбитом глинобитном сарае. Повара выбрасывали оттуда ржавые борсны, пропашной плуг, ступу-крупорушку — издержавшуюся крестьянскую снасть, бережливо оставленную то ли для памяти, то ли для ремонтных целей. Всё это валялось у входа, обруганное спотыкающимися солдатами, но не сдвинутое даже на сантиметр.

— Вот она, перловая солдатская философия, — заявил сержант Елёскин, внимательно оглядев большую Алькину ложку. — Ёмкий прибор.

Алька сдул с ложки пыль, обтёр её, как сержант, о подол гимнастёрки. Ложка у него была гораздо больше сержантовой, и он, покраснев, отметил про себя это обстоятельство.

Он зачерпнул первый, круто, с горой. Сунул в рот распаренную перловку. Ложка не лезла, драла уголки губ. Он скусил кашу сверху, наклоняясь над ложкой и подставив под неё ладонь, чтобы на землю не просыпать. Дыхание остановилось. Зубы заныли. Он ступил опалённый рот, часто дыша. И глядел. Сержант обирал кашу с краёв, понемногу. Маленькая, видимо соструганная, его ложка так и мелькала. Слишком часто мелькала. Безостановочно. При этом он ещё успевал говорить:

— Гречневая каша, она долго пар держит. А в пару аромат. Вот

«шрапнель» — перловка, она без запаха. Пару в ней нет. Зато она изнутри прокалённая.

Алька совался к своей ложке со всех сторон. Не щадил сожжённого языка, видя, как убывает в котелке каша.

— Ты помедленнее ешь, — попросил он жалобным голосом.

— Так уже нечего, — ответил сержант, заглянув в котелок. В голосе у него было искреннее недоумение. — Может, повар ошибся, может, не на двоих дал, а только на одного тебя?

— На двоих, — грустно сказал Алька.

— То-то... Ступай на кухню, скажи повару — сержант Елёскин добавку просит.

— Разыгрываешь? — пробурчал Алька, но пошёл. Была в словах сержанта простота.

Алька подошёл к кухне, ёжась от стыда не за то, что пришёл добавку просить, — просить ему приходилось, — стыдился Алька своей жадности. Своего неумения есть из одного котелка — вернее, своего недоверия к человеку, который обучает его владеть оружием. «Боже мой! — мысленно крикнул Алька. — Откуда у меня такое взялось? Чёрт возьми! Ну и скотина я!» Он ударил себя кулаком по лбу.

— Эй, солдат, чего свой лоб не жалеешь! — спросил его повар с татарским акцентом.

— А-а... — Алька рукой махнул. — Сержант Елёскин добавки просит.

— Стёпка? Стёпке добавку надо. Такой конь. Чего ты сразу с одним котелком пришёл? — В походной кухне было пусто. Кухонный наряд драил её мочалкой. Повар открыл термос, навалил Альке в ко-

телок каши. — Ты студент, что ли? Следующий раз придёшь, два котелка захватывай. Стёпка поесть горазд...

Когда Алька вернулся в аллею, где располагался их первый взвод, и отыскал Степана под тополем, было уже совсем темно. Степан подал ему ложку, такую же небольшую и ловкую, как у него.

— Эти хохломчане, маляры они, а не ложечники. А может, стылую пищу любят. Ихними ложками только тюрю хлебать. — Степан устроился у котелка солидно, вздохнул, будто начинал серьёзное, важное дело. — С краёв обирай, — сказал он. — С краёв прохладнее...

НОЧЬЮ бригаду подняли. Называлась она моторизованной, но моторов у неё никаких не было, кроме взвода броневичков, принадлежавшего разведроте, но они уже укатили. Солдаты торопливо скатывали шинели. Стано-

вились повзводно. Помкомвзводы хрипли в переключках. Солдаты сонно откликались и сосали самокрутки в рукав. На шоссе грохотали телеги, храпели кони. И всюду горбатились, колыхались спины с вещевыми мешками. Ночью рота кажется батальоном. Бригада — дивизией.

Капитан — командир роты — обошёл строй. Остановился перед сержантом Елёскиным.

— Степан, пулемёт взял?

— Так точно.

— А где студент?

— Здесь я, — сказал Алька.

Капитан посмотрел на него, не узнал в темноте.

— Ну-ну, — сказал. — Береги силы...

Куда там беречь, когда у сержанта Елёскина кроме автомата, гранат, автоматных дисков ещё пулемёт «дегтярь», а у Альки в руке металлическая коробка с дисками.

— Ма-арш!

Сначала было холодно. Но скоро под скаткой стала потеть спина.

— У нас с тобой всё не как у людей, — сказал Елёскин. — У людей — пулемётчиков первый номер глазастый, прицельный и злой. Второй номер — «нечистая сила»: неумытый, но мускулистый и покладистый обязательно. Чтобы на него тяжесть класть, как на телегу. Давай... — Он отобрал у Альки коробку, повесил ему на плечо свой автомат.

Сердце у Альки колотилось не столько от ходьбы, сколько от сознания своей причастности и от тревоги. Пекло пятку. Жёсткий рубец неумело обёрнутой портянки гвоздём впивался чуть ли не в самую кость. Боль разгоралась, охватила ногу сначала до голени, потом резкой струёй огня поднялась вверх, и теперь с каждым шагом жаркие молнии ударяли от пятки в бедро. Алька попытался наступать на носок. От этого стало ещё хуже, сбился ритм и возникло чувство, что ему не дойти.

— Наверное, далеко шагать, — сказал Степан. — Технику обещали, бронетранспортёры. Ходить в строю не люблю и окопы рыть ненавижу.

Шаг — огонь.

Шаг — огонь.

Алька натягивал ремни автоматов. Вещмешок ломал спину. Болело всё тело, каждый мускул и каждый хрящик.

Шаг — взрыв.

Шаг — взрыв.

И странное дело, Алька притерпелся к этой обильной боли. Может быть, блокада приучила его терпеть.

Шаг. Ещё шаг...

Сержант Елёскин шагал, подрёмывая. Алька попытался задремать тоже. И задремал было, но тут же его толкнули в спину. Он сделал два торопливых скачка и снова ощутил взрывы в ногах, долго не мог приладиться к ритму, а

когда приладился, боль ослабла, рассеялась по всему телу — он шагал, будто упрятанный в пар. И уже не дрема, а грёзы возникали в его голове.

Он снова ощутил себя в тёплой воде. И девчонка Лялька прыгала в воду с его плеч. После её прыжка он терял равновесие, падал на спину — вода забивалась ему в ноздри, он кашлял, согнувшись. Лялька с визгом топила его и требовала: «Давай распрямляйся, я ещё нырну». И она снова взбиралась к нему на плечи. Потом она перелезала на Гейку Сухарева, ныряла с его плеч и его топила.

С Гейкой они сидели на одной парте с третьего класса. Они пришли в новую школу из разных школ, только что построенную, остро пахнущую штукатуркой и масляной краской. Воспитателем у них был Лассунский. Позже они узнали, что он учится по вечерам в институте. Ещё позже он стал у них завучем. А тогда он спросил:

— Художники есть?

Алька и Гейка подняли руки.

— Гео Сухарев.

— Аллегорий Борисов.

Лассунского звали Исидор Фролович.

— Ну и ну, — сказал он. — Паноптикум. — И велел им нарисовать дома стенную газету — «Бюллетень» — к столетней годовщине со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина.

Они трудились три дня у Гейки на кухне. Кроме названия с завитушками, хвостами и вензелями они нарисовали большее 100 с портретом Пушкина-мальчика в одном нуле и портретом Пушкина-взрослого — в другом, изобразили силуэт памятника Пушкину в Москве, Медного всад-

ника. Черномора, Руслана, ко-
та, дуб, двенадцать витязей
и морского их дядьку.

Посмотрев газету, Лассун-
ский сказал:

— Ну и ну. «Бюллетень»
пишется с двумя «Л». Можно
было заглянуть в словарь или
спросить. Для текстов места
вы не оставили — можно бы-
ло подумать.

— Зачем для текстов? Пуш-
кина наизусть нужно знать, —
сказали они.

— А если кто-нибудь захо-
чет выразить чувства?

— Пусть выражает вслух, —
заявили они.

Лассунский вернул им газе-
ту:

— Необходимо думать.
Пять минут размышлений пе-
ред тем, как начать дело! Эти
пять минут сэкономят вам
дни, может быть, даже неде-
ли.

Они начали думать. Слово
«бюллетень», хоть и с двумя
«л», в этом деле им показа-
лось неправильным. Пушкин
не больной какой, чтобы ему
бюллетень, — он коварно уби-
тый на дуэли Дантесом вели-
кий поэт. Ему памятник! Они
так и написали: «Наш памят-
ник замечательному великому
поэту Пушкину Александру
Сергеевичу!» И памятник на-
рисовали — поэт в окружении
пионеров. Это посередине. По
краям, в виде рамки, много
картинок, но мелких. Места
для выражения чувств в
письменном виде осталось
много.

Лассунский качал головой,
улыбаясь. «Теперь ваши раз-
мышления видны и понятны.
Неплохо... Вы не такие уж и
тупицы, как я себе представ-
лял...» Он их всё же любил...

АЛЬКУ не то что толкнули в
спину, но как бы смяли, слов-
но хотели смести с дороги. Он оч-
нулся и услышал:

— Привал... На обочину...

Сержант Елёскин улёгся, задрал
ноги кверху, упёр их в какой-то
не различимый в темноте ствол де-
рева. Альке он приказал:

— Перемотай портянку. Разо-
мни рукой натёртое место. Ника-
кой травы не прикладывай. Со-
бьётся в комок, ещё хуже натрёт.

Алька перемотал портянку, он
разглаживал её, чтобы ни-ни, ни
одной складочки. Потом улёгся и
погрузился в тёмную воду сна.

И опять в темноте:

— Становись! Марш...

И опять качаются перед глаза-
ми чёрные горбатые спины, изуро-
дованные скатками и вещевыми
мешками. Боль, разгораясь в ногах
и в плечах, окружает его горячим
тулупом, идти тяжело, и он зады-
хается. И возникает новая боль,
ноющая, пока нестрашная, но она
не объединяется ни с какой другой
болью, он понимает, что именно
она отзовется, что она-то и есть
беда.

К утру он уже не шёл, не ша-
гал — переставлял ноги механиче-
ски, с бессмысленной обречён-
стью. Когда командовали при-
вал — ложился. Командовали:
«Становись!» — вставал в строй.
И снова шагал.

На рассвете рота остановилась в
рощице, на краю скошенного пше-
ничного поля. Разрешили отдых.
Алька развернул скатку, закутал-
ся в шинель, и всё ушло... Его ра-
столкали. Он вяло приподнялся.

— Куда?

— Солнце вышло из-за ели, вре-
мя в бой, а мы не ели.

— В бой?

— Я говорю, вставай, поруба-
ем.— Сержант Елёскин поставил
на землю два котелка. От одного
пахло горохом, от другого пше-
ной кашей с консервами.— Вы-
спишься ещё. Мы здесь до ночи
простойм. Днём «мессершмитты»
дорогу прочёсывают.

Опираясь на руки, Алька под-
полз к котелкам. Полз он бессозна-
тельно,— телу было удобнее пере-

двигаться таким образом. Боли не было. Был стон всего тела. Алька улыбнулся этакой бодрой улыбкой, вытащил ложку.

Они аккуратно и молча ели гороховую похлёбку. Затем пшённую кашу, горячую, как огонь. Собственно, что такое огонь?

— Пятьдесят километров за ночь прошли, — сказал Степан, облизывая ложку.

Алька не понял, много это или мало. На всякий случай, впрочем искренно, возразил:

— Рано стали. Могли бы и побольше пройти.

Степановы голубые глаза заголубели ещё сильнее. Лицо его как бы расцвело.

— А что? — повторил Алька. — Я думаю, факт...

— Поди котелки вымой. Вон речушка под горкой.

Алька встал на четвереньки. Попробовал подняться — позвоночник словно разобрали по позвонкам, каждый отдельно. Зажмурившись, он всё же поднялся, рывком. Но шага сделать не смог. Ноги просто не переставлялись.

— Ты их руками двигай, — сказал Степан.

Алька не рассердился и не обиделся, ему уже приходилось переставлять ноги руками, когда он, истощённый, поднимался по лестнице.

— Ещё есть такая система, — сказал Степан. — Хождение вилкой. — Он расставил два пальца и, ворочая кисть, как бы пошёл ими по дну котелка.

Алька попробовал. Вот она, та ноющая боль. Это была уже не боль. Это был огонь. Пламя.

«Не делайте резко шпагат,— говорила в младшей группе их тренер — стройная перворазрядница.— Растянете паховые кольца, и всё, конец спортивной карьеры...— И взмахивала ногой выше головы. И прямо с такого маха садилась на шпагат и, проведя ногой плавный полукруг, выходила в очень красивую стойку на руках.— Вообще у мужчин шпагат неглубокий, да он им, право, не нужен...»

Зато девочки садились в шпагат, как в люльку, и стойку на кистях они делали на одном лёгком вздохе. В их движениях преобладали мах, прогиб, сложение некоторых сил в некое изящное, подвижное хитросплетение. Иногда Алька ловил себя на мысли, что он не воспринимает девочек в зале как девочек, но лишь как людей, занимающихся другим, недоступным ему видом спорта.

«Мальчики приближаются к совершенству в гимнастике, когда девочки уже сходят со сцены известными мастерами»,— говорила их тренер — стройная перворазрядница.

АЛЬКА шагал — шаг за шагом. Котелки гремели, кости и сухожилия стонали, мускулы выли...

Когда, помыв котелки, он вернулся, возле сержанта Елёскина сидел ординарец комроты. Алька уже знал, что зовут его Иван, родом он из города Кемерова.

— Молодец, студент,— сказал Иван.— Далеко было слышно, как все твои жилы скрипели и верещали.

— Не дразни меня студентом, пожалуйста.

— Усвоил... Пополнение всё обезножело. Столько пройти... Степан, ты бы коробку с дисками на телегу к старшине кинул... Парня

бы разгрузил. Гранат набрал! Жадный ты, сержант Елёскин.

— Гранатки-то лёгкие. Они мне консервы напоминают. Я консервы люблю...

В сумерки роту подняли. Обезноженные парни из пополнения бесстыдно смотрели на старшинскую телегу, гружённую патронами, гранатами и съестным припасом. Но попроситься в неё никто не решался. Рядом с телегой, держась одной рукой за грядку, шёл капитан Малютин, в другой руке он держал ручной пулемёт за пламягаситель и опирался о него, как на узловатую тяжёлую палку. Лицо у капитана было белым и губы белыми.

— Язва у него,— сказал Алька сержанту Елёскину.— Желудка. Всё время не заживает. Затянется и снова...

Рядом с командиром роты шагал старшина, лёгкий, подтянутый — вызывающе элегантный.

Ночью бригада вступила на местность, где накануне был бой. Пахло горелым валенком и пережжённой печной глиной. Люди шли молча. До этого они тоже шли молча, молчали от дремы, от бесконечного однообразного ритма. Сейчас молчание было другое: молча ложились на привалах, держали оружие в руках, изготовленное на всякий случай,— может быть, вон за той порушенной хатой разорвёт тишину пулемётная очередь. Когда случилась заминка в передних рядах, Алька сдёрнул с плеч автоматы, он совал Степану то один, то другой, с ужасом прищёптывая:

— Который твой-то, ну говори же? Может, зарубку поставить?

— Нацепи бантик.— Сержант Елёскин был очень спокоен, даже легкомыслен — так Альке казалось.

— Чего суетишься, как клоп на ладони? Ненароком пальнешь — отделение в госпиталь, а то и к дяде Петру. Ночь спокойно переживём. Впереди танки настёгива-

ют. Фриц сейчас «драпен вестен», как нашпаренный чешет. Он на машинах, на полном газу. Мы на своих двоих. Этой ночью нам его никак не нагнать. Вдумайся, голову-то зачем наращивал?

Степановы слова Альку обидели, он губы надул, но тревога ушла. Алька почувствовал вдруг, что кроме пожара в воздухе пахнет яблоками, конским навозом, осенним лиственным лесом. Где-то драчливо промычал бычок, чертыхнулся женский охрипший голос, хлопнула дверь — наверное, загоняли бычка пинками в сарай.

— Берегут, — сказал Алька.

— Правильно берегут, — ответил Степан. — Им жизнь начинать надо. Колхоз заводить...

НА ЗАРЕ бригада вошла в Кременчуг. Мёртвый город лежал вдоль асфальта по обеим его сторонам. Пепельные курганы с чёрными и охряными пятнами, иногда белый кусок мазаной стены с узором, наведённым синькой, курились, наполняя воздух душным запахом городской свалки, которую почему-то всегда поджигают.

Алька остановился было, его поразило вид покалеченной «тридцатьчетвёрки». Собственно, танк был целёхоньким, кроме пушки: пушка лопнула вдоль, и каждая её половинка скрутилась кольцом, как если расщепить луковое перо. Такого Алька увидеть не ожидал, — в его представлениях сталь пушечного ствола была нерушима. И уж совсем нелепо выглядела рядом с танком покосившаяся трансформаторная будка с предупреждающим рисунком — череп и под ним скрещённые кости. Этот символ смерти казался здесь таким детским, как деревянная сабля.

Степан потянул Альку за рукав, он был угрюм и как бы заперт для разговоров.

Было велено отдыхать, готовить оружие, ждать дальнейших распоряжений.

Сержант Елёскин поставил коробку с дисками перед Алькой.

— Каким должен быть второй номер?

— Нечистой силой — неумытым, сильным и покладистым, как телега.

Степан засмеялся.

— Неумытый — вычеркни. Займись — проверь диски, протри, чтобы ни единой песчинки. Я пулемётом займусь. Потом автоматы почищу. — Степан расстелил шинель, поставил на неё пулемёт и принялся его разбирать. Алька тоже шинель расстелил, вытащил из железной коробки диски, чёрные и маслянистые, местами они отливали синим цветом, идущим, казалось, из глубины металла. Алька протёр всё, чтобы ни песчинки, ни пылинки, снарядил снова и занялся автоматными дисками.

Солдаты под кустами ивняка сидели или лежали, но в основном проверяли оружие, перематывали портянки, говорили как-то тихо и медленно, то ли с ленцой, то ли в задумчивости. Алька заметил — некоторые пришивают к гимнастёркам чистые подворотнички, спросил: «Что за пижоны?» Степан ему ответил то ли с иронией, то ли с грустью:

— Эти пижоны с сорок первого года воюют. Кадровые солдаты — привычка у них такая.

Степан долго и старательно умывался, и Алька рядом с ним фыркал, плеща водой на своё тощее лицо. Потом Степан достал из мешка полевую командирскую сумку, выудил из неё чистый подворотничок, пришил его ловким стежком и громко перекусил нитку. Растянул гимнастёрку за плечи, потряс перед собой, как бы любуясь, затем осторожно проткнул ножом на её груди три аккуратные дырочки — две слева и одну справа. Промурлыкав под нос что-то вроде частушки, Степан извлёк из командирской сумки ордена, завернутые в носовой платок. Орден Красного Знамени старого образца на винте — такой можно было заслужить только в самом начале войны (у Альки челюсть беззвучно отвисла, и

слюна стружкой выкатилась на подбородок), — Красную Звезду и орден Отечественной войны, совсем новенький.

— Как на парад, — прошептал Алька, томясь от восторга и удивления.

— Почему как? — с ухмылкой спросил Степан. — Наступление — самый главный парад. — Степан посмотрел на снаряжающихся разведчиков, на синий Днепр позади леска. — Для кого-то он будет последним... — В разговорах с Алькой у Степана никогда не проскальзывали такие мотивы, наверно, поэтому он вздохнул и опустил глаза к своей гимнастёрке.

У Альки защемило в носу.

В начале войны они с Гейкой Сухаревым несколько дней толклись возле Василеостровского райвоенкомата, с завистью поглядывая на восьмиклассников, которые, выпятив грудь, проникали внутрь, бывали выставлены, но всё же имели повод для выкриков и воинственных возражений. Там они увидели стройную девушку — первострадницу, которая тренировала их в младшей группе, Светлану Романовну, у неё было два кубика на петлицах.

Завуч Лассунский обнял их сзади за плечи. Они обернулись и долго моргали, — высокий моряк с суровым лицом улыбался им грустно и ласково. Шевроны на рукавах капитанские, орден Красной Звезды за арктический поход.

— Куда же вы, у вас ведь сердце?! — воскликнул Гейка испуганно.

— А у вас?.. У вас тоже сердце... — Он поцеловал их в маковки, стиснул пальцами их плечи и неожиданно легко побежал догонять уходивших к Большому проспекту морских командиров, — их было человек десять, пожилых, мрачноватых, но не утратив-

ших морской спокойной осанки.

НА НЕБОЛЬШОЙ поляне с по-жухлой травой составили друг на друга патронные ящики, покрыли их куском кумача. К ящикам встал молодой лейтенант — помпотех роты. Помпотех был, а техники-то — четыре броневишка, которые, по слухам, то и дело застревали в колдобинах или валялись в кюветах. В основном их использовали для связи. Чуть в отдалении от ящиков толпилась группка солдат, все молодые, все в каком-то смущении и строгости. Помпотех откашлялся, заговорил, круто жестикулируя. К нему по очереди подходили. Он вручал что-то и жал руку.

Алька сообразил — комсомольские билеты!

— Степан, что будем делать? — спросил он, осознав вдруг, что всё неспроста.

— Днепр форсировать.

Днепр синел за кустами, широкий и неслышный.

— Его же форсировали в районе Киева и ещё где-то.

— Ну так давай беги кругом. Там, наверно, и мост уже есть.

В кустах грохнула мина. Она разорвалась в расположении второго взвода. Ни стонов, ни криков не было, только чертыхнулся кто-то. А правый берег Днепра казался светлым и дружелюбным.

Пришли от командира роты командиры взводов. Своего командира взвода Алька толком не знал. При первом построении, сразу же после знакомства с сержантом Елёскиным, командир взвода лейтенант Зубов оглядел его с вежливым интересом, не более того, и спросил:

— Степан, донесёшь?

— Дойдёт, — ответил Степан. Его почему-то все называли либо по имени, либо сержант Елёскин.

— Пошли, — просто сказал командир взвода. — Поплывём на тот берег.

Гуськом потянулись солдаты к воде, к ожидающим их железным понтонам.

— Мы же разведчики, — прошептал Алька, приподнявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до Степанова уха. — Что же нас как пехоту?

— Это и есть разведка. Называется разведка боем. По нам будут бить изо всех видов. Артиллеристы их засекут и подавят...

— А если мы всё же доедем? — спросил Алька, проглотив жёсткий комок.

— Закрепимся на том берегу. Будем удерживать плацдарм. Или развивать успех. Действовать будем.

Взвод уже влез на понтон, стараясь не наступать на ноги. Степан пробирался вперёд, солдаты поджимались, давая ему дорогу. На

носу Степан поставил пулемёт на сошники. Сказал:

— Садись рядом. И не высовывайся.

Алька огляделся — торопливо, по-птичьи. Солдаты сидели тесно, склоняясь к центру понтона. Казалось, все они боятся воды, стараются не смотреть на неё, а вода под железом журчит, сверкающая и притягательная.

Понтоны завели мотор, их понтон первым медленно отвалил от берега. Он вроде и не набирал скорости, вроде плыл без мотора, сносимый течением к стремнине. Чуть позади, развернувшись журавлиным клином, шли другие понтоны — вся рота. Под танками понтоны были пошире, гудели они погрузнее — поугрозистее.

— Танки зачем? — шёпотом спросил Алька.

— На всякий случай. Какой же плацдарм без артиллерии? Будут у нас вместо пушек.

На воду легли мины и взорвали её, подняли в воздух длинные переличатые лоскутья. Они летели по ветру, видно было, как ветер пощёт их и рвёт. Было тоскливо и, наверное, каждому одиноко. Алька прижался к Степановому плечу лицом. Взрыв впереди швырнул в них воду. Вода текла по спине, по груди, но холода её Алька не чувствовал.

Мина попала в соседний понтон. Алька охнул. А понтон тот продолжал идти, неся в бой мёртвых и раненых. Раненых живые приобняли, чтобы легче им было сидеть.

— Перешли черту, — прошептал Степан и вытер лицо ладонью.

Правый берег был пустынен и молчалив. Ни одна пуля не вылетела из прибрежных кустов: всю ночь, пока они были на марше, артиллерия и самолёты вздымали эту землю, пахали и боронили её для утреннего посева. Образ посева, противоестественный и жестокий, возник у Альки в мыслях, когда понтон мягко ткнулся в песок.

Сержант Елёскин первым спрыгнул в мелкую воду. Ещё не выйдя на берег, он дал из пулемёта очередь по кустам. Он стрелял, держа пулемёт на весу, с поворотом, как будто бросал горстями зёрна. Он побежал к обрывистому откосу, отклонив торс назад, и непонятно было, как он удерживает равновесие. Алька, согнувшись, приседая и оскользая, бежал за ним. Коробка с дисками тянула вниз, била по коленям. Взбираясь на крутизну, Алька помогал себе коробкой, выбрасывая вперёд в рыхлый песок и, держась за неё, подтягивался. Автомат соскользнул с плеча, крутнулся на ремне, больно ткнул его в подбородок дулом.

Наверху Степан широким размахом ещё раз бросил далеко вперёд горсть злых жарких зёрен.

Они остановились перед сожжённой хатой, поджидая других. Хата не осталась в Алькиной памяти,

он уже нагляделся на сгоревшие хаты, но груша! Возле хаты горой возвышалась груша, наверно столетняя, с сучьями толстыми, как стволы. Листья у неё обгорели, иные свернулись бурными комочками. И висели на ней бурые поджаренные плоды. Старая груша была увешана поджаренными плодами. Лишь с одного бока, который она защитила собой, остальным своим телом, листья оставались зелёными, хотя и пожухлыми, а плоды ярко и нежно желтели.

Собрался весь взвод. Командир сказал буднично:

— Давайте в цепь. Занимайте участок от тополя до этой хаты. Не заходя в кукурузу. По кромке...

Взвод упал перед стеной кукурузных будыльев, — кукуруза оказалась подсолнечником, вернее, пустыми стеблями, усохшими, шершаво-грязными и бесконечно шуршащими.

— Окопаться, — прошло по цепи.

Солдаты копали песчаную землю, разрубали корни растений лопатами, над головами невысоко взлетала земля, солдаты как бы вспучивали её, набрасывали на себя и уходили в глубину, становясь невидимыми.

Степан и Алька откопали двойной полуокоп — по грудь.

— Чего не люблю — копать. Я, можно сказать, из-за этого и в разведку пошёл. — Степан установил пулемёт на бруствере.

Только сейчас Алька разглядел в подсолнечнике тыквы. Как золотые зёрна, застрявшие в щётке. Маленькие оранжевые тыквочки с хвостиками и громадные тыквищи — ненатуральные, словно из папье-маше.

Степан хозяйничал на бруствере, как на комодe. Слева от пулемёта поставил коробки с дисками, справа выстроил гранаты рядом, даже нож, хорошо отточенный, воткнул в песок. Ручка ножа была плотно обмотана телефонным разноцветным проводом.

— Красота, — сказал он. — Уют.

Воздух загудел вдруг. И громынуло — роту накрыло минами.

— Ложись! — успел крикнуть Степан.

Они лежали валетом, — окоп был тесен и мелок, Степан глядел в небо и распределял мины, будто диспетчер.

Звук резкий, словно хлыстом полоснуло:

— Ямской свист — недалёт.

Завыло протяжно и жутко:

— Пронеси бог — перелёт.

Но вот в наступившем на миг загише ушей коснулось лёгкое фырчание, лёгкое и приветливое, как фыркает, радуясь хозяину, конь. Степан крикнул:

— Прячь голову! Наша!

Алька сжался, но всё же глаза не зажмурил. Полоснуло ослепительное синее пламя. Ударило, смешавшись с грохотом, что-то мягкое и большое — по темени и со всех сторон, навалилось и придавило к земле.

И тьма.

В тёмной, беспредельно большой голове едва ощутимая, как слабый писк, прошла мысль: «Отвоевался! Нет меня...» Вслед зашпешила другая, крикливая, но едва слышная: «Как нет? Как нет? Раз я думаю... Живой я! Живой!» Мысли вытесняли друг друга, жалобные и бранчливые, они толкались, как пузыри на воде, и шипели, и спорили, и плевались помимо его воли. «Если живой, то весь израненный... Если израненный — было бы больно... А ну, шевельнись, шевельнись!» Подчиняясь этим настойчивым возгласам, Алька неохотно шевельнулся. Сначала одной рукой, потом другой, — боли не было. Он шевельнул ногами — не больно. На нём что-то душное и тяжёлое. И вдруг все пiski и шумы в голове умолкли — тело дрогнуло, дёрнулось вверх.

Алька сел, свалил с себя тяжесть. Окоп был засыпан, было ти-

хо, только в ушах шипело, словно рядом накачивали примус. Напротив него, мигая и тяжело дыша, сидел Степан. Они таращились друг на друга. Степан захохотал вдруг. Алька не услышал его хохота — увидел. Всё в нём толкнулось к горлу...

Он не услышал — увидел взрыв.

Мины рвались, распарывали, раскалывали, расшвыривали оранжевую мякоть тыкв.

«Оглох!» — Алька выскочил было из развороченного окопа, чтобы бежать куда-то, прятаться, но Степан поймал его за ногу, втянул обратно. Они лежали согнувшись, прижавшись друг к другу. Альке казалось, что он весь открыт для осколков.

И вдруг он услышал тишину и понял, что слух к нему возвратился. Он вскочил...

Их окоп окружили солдаты.

— Если бы не со мной такое случилось, не поверил бы никому, — шумно удивлялся Степан, приглашая всех поглядеть.

Мина попала в центр пулемётного диска, рваные светлые трещины ползли к краям, в трещинах жёлто блестящие патроны. Коробку с магазинами повалило, распоролу ближнюю к пулемёту стенку. Гранаты как стояли, так и остались стоять. Из пробитых мелкими осколками кожухов тоненько струился раскрошенный тол. Ни один запад не был тронут.

Солдаты — выдавшие виды разведчики — качали головами. Молодые парни из пополнения пытались всё объяснить:

— Волна вверх пошла. Вниз волна слабо бьёт.

— Степанову голову диском, как козырьком, прикрыло. — От воображаемого центра мины они проводили прямую через край диска, и получалось, что вся волна ударила в Альку.

— Их сначала песком засыпало... Песок спас...

— Короче говоря — фарт.

— Придётся новый окоп копать,

ну неохота. Ты сиди тут, я к Днепру сбегая, пулемёт у танкистов поклончу. Они на оружие добрые.

ХОЛОД утра был влажным, туман липко прижимался к земле, на уровне плеч он расслаивался, редел, но для зрения как бы уплотнялся снова, образуя странную крону, повисшую на зыбких стеблях.

Рота шла в полный рост. Альке казалось, что они бредут по воде, стараясь сберечь от влаги оружие; перед собой и по сторонам от себя он видел плечи и головы и поднятые автоматы. Полы шинелей намокли, облепили ноги, мешая шагу, и это усугубляло Алькино мнение, будто они идут по воде. И ещё мокрая волокнистая тишина.

Так они шагали, может быть, час на взведённых нервах. Вдруг ногам над обмотками стало холодно. Туман поднялся до подбородка, тут же залепил глаза — они будто провалились в яму. Алька вцепился в Степанову затвердевшую от напряжения руку.

Ветер шёл низом, он, как клин, выжимал туман, налепляя его к тому пределу, что называется небом.

Рота стояла перед холмом, открытым бурными травами, а вокруг свободно и прытко зеленела озимь.

Командир роты прокричал что-то. Рота рванулась вверх, к ещё затянутому туманом гребню холма. Степан стрелял, поводя стволом, как при высадке. Алька палил тоже: ещё в окопе он повесил коробку с дисками через плечо на шинельный ремень.

Они взошли на холм, когда гребень его оголился от тумана.

Пустые, наспех вырытые окопы, обрывки газет и журналов, пустые бутылки на брустверах, пустые банки из-под сардин, бруски жёсткого хлеба, брошенные жеребьячи ранцы и никого — ни живого, ни мёртвого...

С холма в белом свечении неба открывалась широкая пашня. Переваливаясь по-утиному и припа-

дая на грудь, шли пашней «тридцатьчетвёрки». Ветер то и дело срывал с их стволов белые пряди и расчёсывал их до прозрачности. Алькиных ушей достигли звуки пушечных выстрелов и ровный машинный гул.

Рота стекла вниз, устремилась по чёрным рубчатым следам, оставленным на пашне танками. Впере-

нем ярко алела крынка. Ойкнул Степан, как чертыхнулся...

Медленно становился Степан на колени. Пулемёт, упав из его рук, стал на сошники. Алька стоял рядом, трясась и силясь что-то выкрикнуть.

Степан поднял голову, попробовал улыбнуться. На сером лице проступил пот.

ди в заслоне садов и тополей, похожих на опавшую грозовую тучу, белела деревня. Танки развернулись в обход. Степан объяснил на бегу:

— Им не резон задерживаться. Им вперёд нужно...

Рота надбавила шагу. Солдаты перегоняли друг друга и командиров. Чадно горела «тридцатьчетвёрка». Алька закашлялся, хлебнув её дыма. Он уже различал вымазанные глиной плетни. На ближ-

— Беги, Алька, — сказал он. — Беги догоняй роту... И коробку тут брось. Беги, говорю... Ну... Живи!..

Алька побежал, оглядываясь. Степан склонялся головой к земле. Очень медленно.

Алька заплакал.

Ещё резче, ещё настырнее, как бесконечный молодой крик, зеленела озимь. Рота уже залегла перед броском. Вокруг Альки посвистывало, звучно чмокало. От деревни доносился треск, будто горели сухие дрова. Ухнули мины.

Алька не успел добежать до за­лётшей цепи. В правую руку уда­рило, будто палкой наотмашь. Пальцы тотчас скрючились, одере­венели, рука жёстко согнулась в локте. Алька выпустил автомат. Потоптавшись в недоумении, сел на землю.

Он сидел на влажной земле, с де­ловитым любопытством рассматри­вал сведённые в щепоть пальцы. Под ногтями чернела грязь. Алька почувствовал брезгливость к этой уже не своей руке. Она словно от­валилась от тела, где-то повыше локтя.

«Наверное, кость раздроби­ло...» — Он попытался вытащить руку из рукава. Рука не поддава­лась. Алька зажал её между ко­лен, потянул — боли не было, но и рука оставалась на месте. Решив, что она держится на каком-нибудь случайно не перебитом сухожилии, Алька стал неторопливо снимать шинель. Расстёгивать крючки од­ной рукой было неудобно, он пых­тел, вставал во весь рост; он не за­мечал свиста пуль и разрывов мин; он был раненый, выбывший из иг­ры — на него ещё действовал за­кон «чур-чура». Наконец он сбро­сил шинель, закатал рукава гимна­стёрки и нательной рубахи, — чуть выше локтя сочилось сукровицей отверстие величиной с клюквину. Это странно поразило Альку, он попробовал пошевелить пальцами и не смог. Внезапно в памяти воз­ник смех легкораненых, конфузли­вый и счастливый. Он засмеялся тоже. Он ругал свою поспешную решимость расстаться с рукой и по­качивал её на весу, жалея. Затем аккуратно опустил рукава, уже не дёргая их, накинул на плечи ши­нель и пошёл от деревни в сан­часть.

Он шёл не торопясь, ни о чём не думая, в умиротворении и гордо­сти. Миновал горящую «тридцать­четвёрку». Теперь она стояла чёр­ная, закопчённая и пустая. Пахло горелой резиной и раскалённым железом. Башня, покрытая густым слоем сажи, валялась метрах в де­

сяти, её сорвало взрывом и отбро­сило от танка.

Степан упал где-то здесь.

Алька поискал глазами. Он уви­дел ручной пулемёт, коробку с ди­сками... Степан, согнувшись, ле­жал поодаль, у неглубокой про­зрачной лужи — видимо, он пытал­ся ползти. Широкие, как лопаты, ладони Степановых рук были опу­щены в неглубокую эту воду; он как бы студил их.

Стыд огнём ударил Альке в лицо. Он оглянулся воровато, желая убе­диться, что никто не видал его ра­дости. И вдруг ему стало страшно, он снова осознал себя открытым для всех пуль и осколков.

Алька бросился на землю. И тут же в лужу шлепнулась мина. Ока­тила Алькино лицо водой. Про­долговатая небольшая мина с пер­истым грубым хвостом и блестя­щим ободком у головки. Алька ви­дел, как небрежно, с наварами сде­лан стабилизатор и небрежно окра­шен — сквозь серую краску про­свечивал металл. Мина шипела в воде и, остывая, поворачивалась к Альке носом. Алька смотрел на неё зачарованно. Под миной в лу­же он видел мелкие камушки. Не­кая личинка или червячок толчка­ми уходила от мины. Она как бы карабкалась, как бы взбиралась на крутизну.

Мина как бы висела или летела, летела...

Что-то упрямо-живое разрушило это жуткое очарование — Степано­вы руки дёрнулись, поползли из воды к голове, бороздя пальцами мокрую землю.

Алькина душа вдруг толкнулась, вскипела, растворив все его чувст­ва и крики этому болему, как раз­ведённый спирт, небу, этой земле, разрываемой пулями. Пригасли счастливые лампочки, светившие в мире, где царит закон — «чур-чура».

«Жив Степан!» Вскочив снова, увидел роту, залётшую перед бро­ском шагах в пятидесяти от него, и поднявшегося уже капитана Ма-

лютина. Услышал, как он закричал: «Вперёд!» Размахивая пулемётом, как палицей, капитан побежал к деревне. Рота вздыбилась вслед за ним.

— Степан, я сейчас,— сказал Алька Степану Степановым голосом, поднял левой рукой пулемёт, уложил его ствол в правую, согнутую в локте, и побежал на фланг роты,— там, теперь он их видел отчётливо, за плетнём залегли немцы. Алька стрелял на бегу и кричал слова, которые кричат солдаты во время атаки.

Удар! И как будто резинкой-ластиком пропахали по волосам ото лба к темени.

ОЧНУЛСЯ Алька в той палате, где ещё совсем недавно царил над всеми звуками недвижный танкист. Голова была туго спелёната. На правой руке он нащупал узкую гипсовую повязку — «чтобы не кинителиться с перебинтовкой...»

— Пить,— сказал он и спросил, уверенный, что его услышат: — Степана доставили? Сержанта Елёскина?.. Я говорю — Степана.

Найда

*У нас живёт собака Найда.
Она добра, не тронет вас.
А если б тронула кого-то,
Длиннее был бы мой рассказ.*

Наташа ТАРАСОВА,
5-6 класс, 245-я школа

Для чего существует ветер

*Для чего существует ветер?
Чтоб трепать мои чёрные
волосы.*

*Для чего существует вечер?
Чтобы были лунные полосы.*

*Для чего существует сказка?
Чтоб добро от зла отличали.
Для чего существует песня?
Чтоб не знали люди печали.*

Оля МАШКИТ,
6-а класс, 185-я школа

Утро

*Овраг
облян глиною,
а рано поутру —
глядит
весна невинная
в заборную дыру.
Вся в конопухах
рожица,
глаза — синее льда...
На речке
льдины крошатся,
ползёт
на плёс вода.
Белее роца чёрная,
темнее белый снег...
А поле —
всё просторнее,
звончей
ребячий смех!
И песни
ветра зычнее
и травы — горячей!
А люди всё улыбчивей
и взглядами светлей!*

Весеннее

*Стала ночь короче,
вечер
тих и мглист...
Из пузатой почки
вылезает лист!
Прыгая, как мячик,
клёцкает
капель!
Сел на одуванчик
золотистый
шмель!
Дремлет на пригорке
круглая луна...
С днищем
круглой лодки
шепчется волна.
И не в меру как-то
голосист ручей...
И чихает трактор
в черноте
полей.
Небо зеленеет,
пенятся пруды,
тёплой влагой веют
комья
борозды.
Под небесной синью
ветры понеслись...
Родина... Россия...
Ширь её и высь!..*

Рис. В. Адаева

ОНА СРАЖАЛАСЬ

Почти за час до начала работы покидает она свою убогую комнатушку. Она экономит каждый сантиметр и пересекает пешком едва ли не весь Париж. Вот уже и бульвар Вольтера. Теперь до типографии осталась самая малость... Минуло уже пять месяцев, как она нашла себе здесь работу, и ни разу не опоздала. Не опоздала и на этот раз.

— Здравствуй, Жанна! — приветствуют товарищи по цеху эту белокурую красивую девушку, влетевшую в цех. Жанна, улыбнувшись, машет им рукой.

Через несколько минут Жанна уже внимательно вглядывается в рукопись, которую ей предстоит набрать. В клеточках наборной кассы аккуратно разложены металлические буквы — литеры. Но вот над ними появились руки Жанны. Она быстро выхватывает нужные литеры. Кончики пальцев чернеют от свинцовой пыли.

С тех пор как она поступила сюда, её товарищи по наборной немного узнали о светловолосой красавице. Знали, что она русская, но говорит по-французски, как истая парижанка, что она очень экономна и не бросает сантимы на ветер.

Заведующий наборным цехом доволен Жанной. В её наборе очень мало ошибок, а те, которые она обнаруживает, быстро исправляет сама. Была Жанна доброй и сговорчивой, ни с кем не ссорилась... И всё же она оставалась тайной для работниц маленькой парижской типографии. Глядя на её тонкие черты лица, на холёные руки, догадывались они, что Жанна не пролетарка...

Тайна, и ещё какая... Ну кто бы мог подумать, что наборщица Жанна — дочь очень богатого русского помещика, старого боевого генерала, что сама она, несмотря на мо-

НА БАРРИКАДАХ КОММУНЫ

лодость, написала две повести, которые опубликовал солидный петербургский журнал. Кому могло в голову прийти, что в неё был влюблён уже широко известный русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский, что он добивался её руки, но получил отказ. И уж, наверное, ни у кого и в мыслях не было, что, несмотря на строгий запрет родителей, Жанна приехала во Францию тайком, что отец, узнав об этом, наотрез отказался помогать ей, посылать деньги на жизнь...

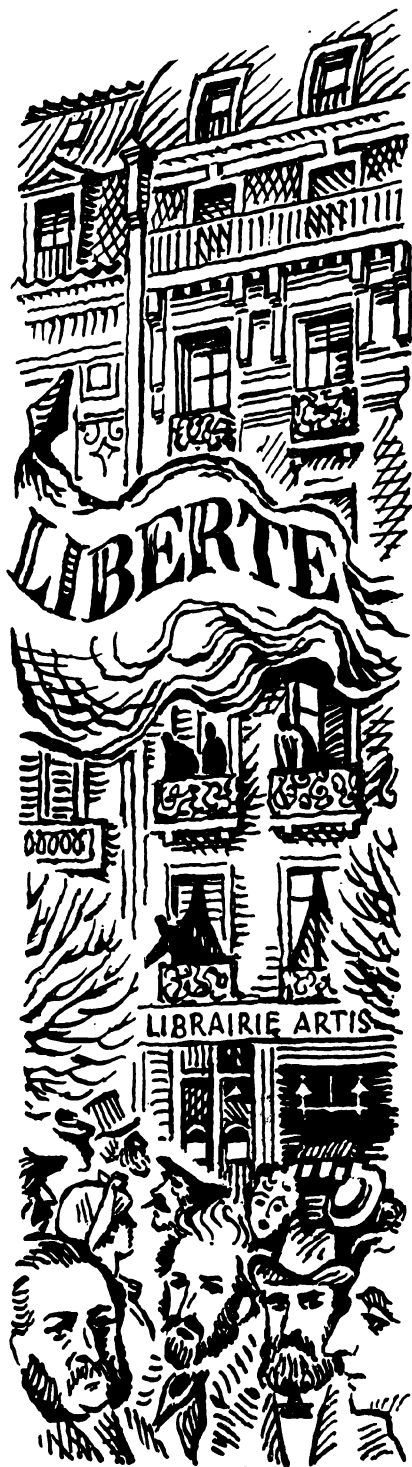
Что же заставило Анну Корвин-Круковскую расстаться с родным домом, с таким далёким теперь Петербургом?

Их было две сестры в семье Корвин-Круковских — Анна и Софья. Отец мечтал о богатых женихах для дочерей, но ни старшая дочь, ни младшая об этом и слышать не хотели.

Когда двадцатилетняя Анна написала две повести, она подписалась мужским именем и фамилией. Так она решила скрыть от отца своё авторство. Свои работы Анна отправила в литературный журнал «Эпоха».

Редактором этого журнала был Достоевский. Он прочитал их и напечатал. Фёдор Михайлович написал письмо Анне, похвалил её работы и вложил в конверт гонорар — деньги за напечатанные повести. Распечатанный конверт и деньги Анна забыла на столе. Они попали на глаза отцу. Шутка ли, дочь его получает деньги от таинственного незнакомца. Они поссорились и долго не разговаривали друг с другом.

Шло время. У Анны оказался характер потвёрже, и старый генерал в конце концов смирился. Он прочитал повести, и они ему даже понравились. После этого он разрешил дочери познакомиться с Досто-

евским, но предупредил, чтобы Анна была с ним осторожной, так как Достоевский «бывший каторжник». Действительно, писатель за участие в революционном кружке был на каторге.

Ещё и сегодня на Васильевском острове, на 6-й линии, можно увидеть невысокое здание, значащееся под № 15. В те далёкие времена оно принадлежало родственникам Корвин-Круковских. Тут и жила Анна и Софья, когда приехали из отцовского имения в Петербург.

В Петербурге Анна читала книги, о которых, находясь в деревне, она и мечтать не могла. Это были сочинения Чернышевского, Добролюбова, Шелгунова... Люди эти были революционно настроенными, резко отзывались о царском строе, угнетавшем народ, о крепостном праве. И именно они заставили девушку мечтать об участии в борьбе за свободу народа. Но чтобы быть борцом, надо самой, прежде всего, стать свободной и независимой от отца-помещика.

Младшая сестра Софья, как и старшая, тоже мечтала о свободе и независимости. Но если Анну манила революционная борьба, то младшая стремилась к науке, заниматься которой в те времена в России женщинам было запрещено. Чтобы осуществить свою мечту, Софья уехала за границу, а вместе с ней с отцовским домом рассталась и старшая сестра. Софья начала заниматься в одном из немецких университетов, а Анна добралась до Парижа и, как вы уже знаете, стала наборщицей в маленькой типографии близ бульвара Вольтера. С каждым днём ширился круг её парижских знакомых. Это были люди разных профессий: рабочие, литераторы, журналисты, студенты. Но всех их объединяло общее: революция! Среди знакомых Анны был студент-медик Виктор Жаклар. Молодые люди горячо полюбили друг друга, и вскоре Виктор стал мужем Анны.

Жизнь свою Анна посвятила революционной борьбе. Жаклары сблизилась с членами I Интерна-

ционала, революционной организации, основанной великими учителями рабочего класса Марксом и Энгельсом. I Интернационал имел также и русскую секцию. И Анна начала активно работать в этой секции. Так как она хорошо знала языки, то принялась за переводы на русский некоторых произведений Карла Маркса и сделала это очень хорошо. В русской секции она познакомилась с другой «бунтаркой», также приехавшей из России, Елизаветой Томановской (Дмитриевой). Не пройдёт и года, как судьба соединит их в боях на баррикадах Парижской коммуны.

Когда 18 марта 1871 года восставшие рабочие французской столицы провозгласили Парижскую коммуну, муж Анны Виктор Жаклар сражался во главе одного из батальонов на холмах Монмартра. А Анна находилась в это время в Лионе. Едва до неё дошли слухи о событиях, происшедших в столице Франции, она решила немедленно ехать в Париж. Но ехать было нельзя. Париж оказался в блокаде — его окружили вражеские войска. Париж был отрезан от остальной Франции. Но разве это могло напугать Анну! Нет, тысячу раз нет! И она решается идти из Лиона в Париж пешком, пройти путь в десятки километров! И Анна не только дошла, но и сумела проникнуть в осаждённый город.

Цель достигнута! Радости Анны не было границ. Она пришла сюда, чтобы бороться, защищать Коммуну. Вот когда послужили ей литературные способности. Вместе с французской писательницей Лео она сотрудничает в революционной газете Парижа. Анна пишет статьи, призывы к французским женщинам, выполняет всякую другую работу в редакции. Пишет она хорошо, доходчиво, пишет так, чтобы её легко понимали самые простые парижанки, работницы, такие, с которыми она недавно трудилась рядом. Слог Анны прост и чётко. Вот как она пишет о том, за что борется Парижская коммуна.

«Земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, работа — всем!

Не должно быть ни работы без отдыха, ни отдыха без работы!»

Буржуазия никак не может мириться с тем, что в столице Франции власть находится в руках рабочих. И правительственные войска идут в наступление. В эти тяжёлые дни Анну Жаклар можно было видеть на баррикадах, где она оказывала помощь раненым коммунарам. Собрав группу женщин, она налаживает перевозку раненых в госпитали, ухаживает за ними в больничных палатах. И в это время — какая неожиданная встреча! — к ней приезжает младшая сестра Софья вместе со своим мужем.

Когда вести о том, что творится в осаждённом Париже дошли до Софьи, она была очень взволнована. Ведь она хорошо знала характер старшей сестры и была уверена, что Анна не будет отсиживаться в безопасных местах. Наоборот, Софья была убеждена, что Анна непременно примет участие в кровавых схватках и что жизнь её в смертельной опасности. И чего бы это ни стоило, Софья решила проникнуть в блокированный Париж и увести оттуда сестру. Нелёгкий путь пришлось для этого проделать, и самое трудное — преодолеть опасную зону около самого города, где смерть подстерегала Софью и её мужа на каждом шагу.

И всё же Софья с мужем проникли в охваченный боями город. Скорее, скорее надо найти Анну и любыми средствами увести её из этого страшного места. Но Софья не только не смогла уговорить Анну покинуть Париж, но и сама осталась в этом городе, где целыми днями вместе с сестрой ухаживала за ранеными в больницах и госпиталях.

Положение Коммуны ухудшалось с каждым днём. Таяли силы коммунаров. Убедившись, что никакими силами не уговорить Анну покинуть Париж, Софья с мужем уехали. А Анна оставалась на последних баррикадах Коммуны, помогая

раненым, выполняя всякие другие обязанности.

Семьдесят два дня держалась Парижская коммуна! Семьдесят два дня героически защищали коммунары пролетарскую власть. Но силы были слишком неравны.

В последний день Коммуны Виктор Жаклар сражался на улицах Кординё и Левё. Когда иссякли патроны, он забегал в одну знакомую квартиру, где переоделся в штатское платье. Но версальцы опознали его. Жаклара схватили и бросили в тюрьму Оранжерё. Тут его раздели и привязали к столбу. Началась жестокая расправа. Виктора зверски излохотали шомполами, едва не убив его.

Версальцы знали, что жена Жаклара также сражалась против них на парижских баррикадах. Сколько ни искали версальцы русскую коммунарку, так и не удалось им найти её. Анне с большими трудностями удалось всё же скрыться.

Обеспокоенная судьбой сестры, Софья с мужем снова приезжает во Францию. В конце концов ей удалось узнать о судьбе Анны. Она в безопасности. Но муж её Виктор Жаклар продолжал томиться в тюрьме, и его ждала либо казнь, либо ссылка на каторгу в одну из французских колоний. Как спасти Жаклара? Все способы вырвать его из тюрьмы использованы. Казалось, Виктор обречён. И тут решились организовать смелый и дерзкий побег. Это была очень трудная задача, но в конце концов она увенчалась успехом. Жаклар был храбрым человеком и поэтому победил. Он бежал из тюрьмы и некоторое время скрывался во Франции. Потом он перешёл границу и очутился в Швейцарии, где в это время находилась уже и Анна. На швейцарской земле состоялась встреча двух парижских коммунаров.

Почти три года прожили они здесь. Жизнь Жакларов была очень и очень несладкой. Виктор стал репетитором, но заработок его был скромным. Мало зарабатывала, занимаясь переводами, и Анна.

18 марта 1873 года у Жакларов родился мальчик. Это произошло ровно во вторую годовщину со дня провозглашения Парижской коммуны. И это было большой радостью для двух изгнанников, томившихся в Швейцарии. Но с рождением сына ещё тяжелее стало жить Жакларам. И тогда решено было поехать в Россию.

Вскоре Жаклары пересекли русскую границу, направляясь в Палибино Витебской губернии, где находилась усадьба старого генерала Корвин-Круковского. Русские жандармы знали, кто такие Жаклары. Ах, если бы можно было схватить, бросить в крепостной каземат, и дело с концом. Но «преступление» Жакларов было подсудно лишь французскому суду. Их пропустили в Россию, однако царские ищейки день и ночь продолжали следить за коммунарами.

В 1875 году умер генерал Корвин-Круковской. И тогда Анна с мужем переехали в Петербург, в тот самый дом на Васильевском острове, где сестры жили до отъезда во Францию.

Чтобы жить в царской столице, нужны деньги, и немалые... Где было взять их Жакларам? Ещё во Франции Виктор получил звание врача. Лечить больных он мог бы и в Петербурге. Но он был французским подданным, а врачевать в России имели право только русские подданные.

Тогда Виктор решил стать педагогом. Но и для этого потребовалось специальное образование. И Виктор поступает учиться на педагогические курсы. Все годы учёбы семья Жакларов продолжала мытарствоваться. Окончив курсы, Виктор начал работать преподавателем французского языка в одной из женских петербургских гимназий.

Пришёл день, когда во Франции была объявлена амнистия парижским коммунарам. Им «простили» их «преступления». Виктор быстро собрался и уехал в Париж. Анна Васильевна продолжала поперемен-

но жить то в доме на Васильевском, то во Франции. Поражение Коммуны не пошатнуло её революционных убеждений. Она верила, что придёт пора, когда буржуазия будет бессильна подавить пролетарскую революцию.

Муж звал её окончательно переехать в Париж. Но слишком привязалась она к дому на 6-й линии и уж очень трудно было ей расставаться с ним. И всё же смерть оборвала эту прекрасную жизнь на чужбине. Впрочем, чужбина ли? Город, на баррикадах которого за свободу и счастье трудящихся, обездоленных и угнетённых сражались сыны и дочери разных народов, где рядом с Елизаветой Дмитриевой, Анной Пустовойтовой и другими русскими женщинами билась с классовыми врагами и она, — чужой ли он ей?

Весной 1886 года Анна Васильевна тяжело заболела. Она слабела с каждым днём. Оставалась единственная, последняя надежда на операцию в Париже. И осенью 1887 года её на руках внесли в карету, стоявшую у дома на 6-й линии. На руках же близкие друзья внесли её в вагон. Поезд тронулся. В последний раз смотрела она на милые её сердцу русские просторы. В конце 1887 года она умерла. Гроб русской коммунарки приняла земля Парижа, за которую она храбро сражалась в славные дни Коммуны...

...Не раз я проходил мимо серого дома на Васильевском... И каждый раз образ двух славных дочерей России вставал передо мной... Две сестры — две судьбы! Две женщины большой мечты. Старшая воплотила её в кипении революционной борьбы; младшая, знаменитая Софья Васильевна Ковалевская, математик с мировым именем, поднялась на Олимп науки. Одна совершила революционный подвиг, другая — подвиг научный. И обе всегда будут жить в благодарной памяти народной.

Рис. Г. Моисеевой

Константин ДЕРКАЧЕНКО

Здравствуй, Алия!

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

Светлой памяти снайпера — Героя Советского Союза, славной дочери казахского народа, комсомолки Алии МОЛДАГУЛОВОЙ

...Пытаюсь я хоть ночью отключиться
от мелкой повседневной суеты,
чтоб не могли в поэме исказиться
твои неповторимые черты.
Никак волненье в сердце не уляжется,
никак покоя не найдёт рука:
сто раз во всём отлично покажется,
сто раз — совсем ненужною строка.
И, чтоб найти к сердцам дорогу верную,
не ты ли подсказала мне сама,
чтоб я открыл главу поэмы первую
с архивных строчек твоего письма:

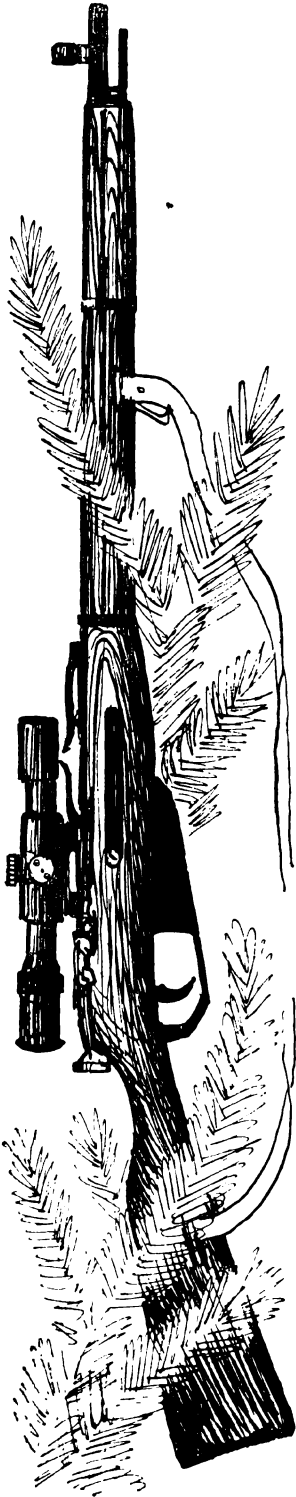
***

«Привет с дороги! Здравствуй, Сапура,
поздравь меня — хожу уже в шинели.
Мы сели в эшелон позавчера
и думаем сегодня быть у цели.
Куда мы едем, ты поймёшь и так,
но не тужи и на судьбу не сетуй, —
я добровольно путь избрала этот,
я буду там, где перед нами — враг...»
Письмо домой закончив, Алия
восточный адрес ставит на конверте.
А под вагон стальная колея
течёт,

бежит,
спешит,
колёса вертит.

За окнами вагонными плывёт
кумач рябин и зелень чахлых сосен,
торфяники калининских болот.
Год сорок третий...
Фронт...

Октябрь...

Осень...

Трава пожухла... жёлтый мокрый лист
к окну вагона прилепило ветром...
Подкинь угля, товарищ машинист,
отбрасывай к востоку километры!..

***

Тебе — шестнадцать...

Я в такие годы
себя ещё мальчишкой считал,
я не прошёл еще огни и воды,
хоть стать героем яростно мечтал.
Как стыдно мне тогдашнего кокетства,
миражной героичности моей!
Ты, только-только распростившись с детством,
во много раз сильнее,

взрослей,

честней!

Ты не в мечтах ребячьих пустотелых,
а наяву для подвига созрела.

***

К военкомату — очередь густая.
Который раз в свои семнадцать лет,
который раз приходишь ты выстаивать,
чтоб неизменный выслушать ответ.
По-твоему, придирчив так и мелочен,
уставший от бессонниц, военком:
— На фронт пока не посылаем девочек,
а надо будет — запрошу райком.
Ох, до чего ж ты всё-таки настырная,
который раз маячишь у стола! —
И крупно резолюция чернильная
на лист тетрадный наискось легла.
— Пойдешь учиться тактике и стрельбам,
вот так-то, мой товарищ дорогой:
фашисты здесь, а гнать их аж до Эльбы,
чтоб к нам уже — ни рылом, ни ногой!

***

Прощаешься с подружками, как взрослая:
— Не поминайте лихом Алию!
— С ума сошла — на фронт с такими косами!
Да там тебя, девчонку, засмеют.

***

Война — работа, тяжкая работа,
не сбор к костру по горну и трубе...
Сквозь лес и бесконечные болота
я пробираюсь памятью к тебе.
Я по своей судьбе солдатской знаю,
как там, на фронте, часто не до сна,
как пуще хлеба, курева и чая
сверхметкость остро снайперу нужна.
Как ты постигла меткости науку?
Не твоего ли прадеда стрела
сражала насмерть из простого лука
парящего в заоблачье орла?
И ты наследство это получила —
прадедовскую зоркость юных глаз,

а снайперская школа огранила,
отшлифовала меткости алмаз:
сперва — стрельба по ростовым мишеням,
по поясным, потом — по головным.
Мишени сбиты все, без исключенья!
И ты уже стреляешь не по ним:
перед тобою нет уже условных,
на досках нарисованных врагов.
Вот враг живой, тебя убить готовый,
но ты должна опередить его.
Быть может, это он, в зелёно-сером,
несметных преступлений царь и бог,
стрелял в старух и вешал пионеров,
пытал девчат и сёла наши жёг,
он, породивший муки Ленинграда!..
Под каску еле видной головы
ты целишься —

и нет ему пощады,
стреляешь ты —

и нет его в живых!..
Стреляешь ты...

Как просто это кажется,
как будто враг лишь в двадцати шагах.
Всё просто,

если нету пули вражеской,
и нет тебя на мушке у врага.
Всё просто,

если по дуэльным правилам,
и ты — сперва,

потом — его черёд,
а если ты его живым оставила,
и он тебя, быть может, не убьёт.
Фронт — не дуэль.

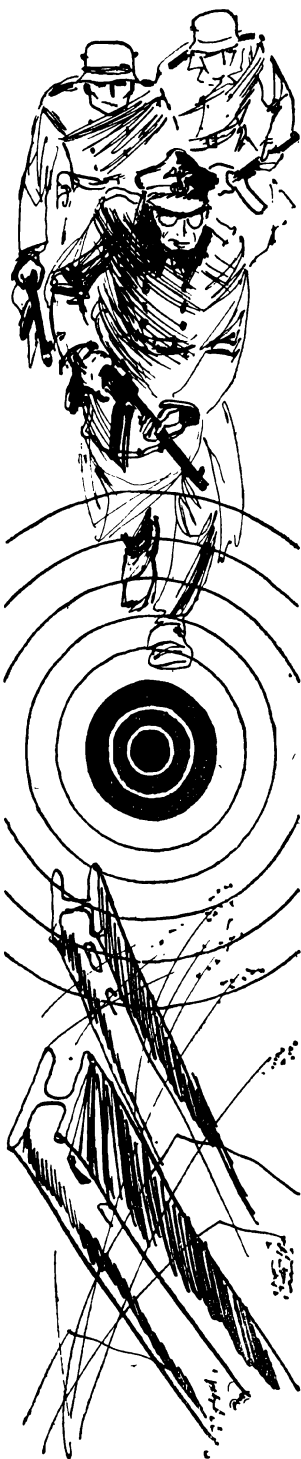
Не к мести за пощёчину
тебе душа стрелять сейчас велит:
ты мстишь за боль, врагами истолоченной,
за боль и кровь своей родной земли!
Ты выползаешь из окопа затемно,
весь день — в снегу, под вражеским огнём,
и множишь, множишь маленькие вмятины
ты на прикладе снайперском своём, —
подсчёт тобою лично уничтоженных,
нет, не людей,

фашистского зверья.
Так, как на фронте снайперу положено,
счёт мести ты подводишь, Алия.
Потом Звезда Героя скажет точно,
Спасибо, Алия,

спасибо, дочка,
от всех от нас,
вернувшихся с войны!..

***

Когда стучатся в сердце эти строки —
посёлки спят и дремлют города,
и снег летит на бронзовые щёки,
стекая с них кристалликами льда.

Ты словно плачешь, бессловесно, тихо.
Я тоже молча около стою.

***

Как оборвать воспоминаний кадры,
их чёрно-белый бег остановить?..
Не будем плакать, Алия, не надо, —
и ты жива, и Ленинград мой жив!
Сойди ко мне с гранита пьедестала,
вдвоём от казахстанской синевы
уйдём с тобой на берега Невы,
на Большеохтинский проспект,
к мемориалу:
там вместе с нами — гордыми, живыми —
по скромности не схожая ни с кем,
прочтёшь своё немеркнущее имя
на вековечной мраморной доске...
В Актюбинске к гранитному подножью
тебе цветы приносит детвора,
и самый буйный дождь залить не сможет
их алого бессмертного костра...
Не бронзовая —

смуглая, как прежде,
вернись со мной в усадьбу Алпайсай:
здесь — земляки, и те же и не те же,
и стал иным степной безбрежный край.
Со всей страны сюда доходит почта
быстрее, чем шла в военные года.
Встают дома и прочно и досрочно,
а в них — с антенн стекают провода.
Горят огни в просторных классах школы,
шумит-звенит колхозный интернат...
В твой день рожденья зная комсомола
выходит на торжественный парад...

***

Под бронзовой пилоткою подобрана
из той же бронзы пышная коса.
Ты слышишь барабанов звуки дробные
и пионерских горнов голоса?
Сейчас зарёю мирною омоются
черты неповторимые твои.
Перед тобой в ряды

повзводно

строятся

седые современники мои.
В почётном карауле строфы замерли
у твоего подножья, Алия.
На правом фланге,
с комсомольским знаменем,
стоит поэма скромная моя.
И если я всех дней твоих цепочку
не развернул с начала до конца
и промолчал о смерти в этих строчках, —
прошу тебя:

прости меня, как дочка
простила б седовласого отца...

Рис. Януса

ИСПОВЕДЬ МАВРА

(Странички из жизни Карла Маркса)

ЕМУ В ТОТ ДЕНЬ не работалось. Может, попросту что-то не клеилось. А может, сказывалось огромное переутомление и лёгкое недомогание. Но если ежедневно по десять, а то и по шестнадцать часов просиживать за столом, то, как бы ни был крепок организм, переутомление и недомогание в конце концов должны были сказаться. Главный труд его жизни — «Капитал» писался медленно и с невероятным напряжением.

Он положил перо, выпрямился в кресле и потянулся. Большая чёрная борода приподнялась, длинные волосы опустились на спину.

— Нет, Мавр, ты ещё не сделал своего дела,— пробормотал он. — Нет, ещё не сделал.

Спину ему уютно согревали потрескивающие в камине дрова. За широким окном, выходящим в парк, стоял густой лондонский туман. На голых ветвях дрожали капельки влаги.

Пройдясь по комнате, Маркс покосился на диван. Прилечь? За диваном, на книжных шкафах, громоздились горы рукописей, папок, подшивок газет. Папки и книги были повсюду — и на двух других столах, и на стульях, и на камине, и на подоконнике. В кажущемся хаосе этих гор бумаги умел разбираться один он, мгновенно находя всё, что ему требовалось.

Диван манил к себе. Но Маркс решил, что лучше прогуляться. Он умел не только работать, но и отдыхать. В минуты отдыха он с увлечением читал и перечитывал Шекспира, Бальзака, Бёрнса. Или углублялся в решение алгебраических задач. Или возился и шутил с дочками. Или, вот как сейчас, отправлялся на прогулку.

Уйти незаметно ему не удалось. В прихожей его остановила вопросом Ленхен:

— Куда? В такую погоду? Нет, я не пущу вас. Я подниму на ноги весь дом, но не пущу. Вы вчера весь день кашляли.

Кем она была в их доме, Елена Демут? Другом семьи? Служанкой? Хозяйкой? Она делала все: стирала, стряпала, кроила и шила вместе с женой Маркса платья девочкам. Она умела договориться с кредиторами об отсрочке долгов и выторговать в зеленой лавочке два-три пенни. В то же время она, как никто, знала все причуды и слабости хозяина. Когда он бывал сильно раздражён и метал громы и молнии, так что жена и дочери предпочитали быть подальше от его кабинета, Ленхен бесстрашно входила в «логово льва» и, если он продолжал рычать, так ловко его отчитывала, что «лев» становился смиреннее ягнёнка. И поэтому Марксу иногда казалось, что Ленхен совершенно невыносимый диктатор, от которого он ужасно устал. Да что же это за дом, где служанка... Впрочем, какая она служанка? Ленхен никогда не была для них служанкой. Никогда! Она была добрым гением семьи, без которого Маркс не мыслил своего дома.

— Ну, Ленхен, — как можно проникновеннее прошептал Маркс. — Ну я вас очень прошу, Ленхен. Я ненадолго. Я дойду до Хепмстед-Хис и сразу обратно. Я не простужусь, честное слово.

И плюс ко всему я обещаю вам, что сегодня после ужина мы непременно сразимся с вами в шахматы.

— Так я вам и поверила, — хмыкнула Ленхен. — Вы обещаете мне это уже вторую неделю. Вы попросту, вот что я вам скажу, никудышний игрок, и поэтому меня боитесь.

— Я — никудышний? — повысил голос Маркс.

— Вы, — сделала изящный реверанс Ленхен. — Но если вы действительно обещаете мне сегодня вечером игру в шахматы, я решаю вам небольшую прогулку. На один час. Наденьте вот этот тёплый шарф. И, пожалуйста, дышите носом. Только носом, Мавр.

— Носом, — ворчал Маркс, укутывая горло. — Послушать, так вы лучше меня играете в шахматы. Да, сегодня вечером... Впрочем, зачем вечером? Мы сразимся с вами после обеда, хотите после обеда?

— У вас не хватит выдержки, господин Мавр, — улыбнулась Ленхен. — После обеда у меня слишком много дел по дому. До вечера. И готовьтесь к неминуемому поражению.

Как изящно она его поддела. «К неминуемому поражению». «Господин Мавр». Ишь ты! Жаль, он до сих пор не придумал ей никакого прозвища. А ведь она очень заслуживала прозвища. Очень! Но какого же?

В доме Марксов издавна установилась традиция — каждый имел своё прозвище. Хозяин, за смуглый цвет лица, чёрную бороду и горячий темперамент, — Мавр. И никто никогда не слышал, чтобы хоть одна из дочерей назвала его отцом или папой. Только Мавр и изредка — старина. Тем самым в семье как бы подчёркивалось абсолютное равенство. А что может быть прекраснее равенства в сочетании с улыбкой и шуткой?

Жену Маркса Женни фон Вестфален, которая происходила из аристократической семьи баронов, звали Мэмэ. Старшую дочь (тоже Женни) — Женнихен и Кви-Кви — император Китая. Младшую, Элеонору, — Тусси, Злой Карлик Альберих и Кво-Кво — китайский принц. Но больше всего прозвищ имела средняя дочка, Лаура: тут и Мастер Какаду, и Стряпуха, и Птичий Глаз, и многое, многое другое. Друга Маркса Фридриха Энгельса в доме на Мейтленд-парк-род звали Генералом. Вильгельма Либкнехта — Лайбрери (Библиотека). Лину Шелер, приятельницу Женни, — Олд Мул (Старый Крот). И лишь у Елены Демут, как ни странно, до сих пор не было никакого прозвища.

Осенний Лондон утопал в густом тумане. Его хлопья недвижно висели в воздухе, скрывая всё окружающее на расстоянии двух-трёх шагов. Редкие дилижансы на ощупь пробирались по улицам, непрерывно звеня колокольчиками. Но и звон колокольчиков, и стук лошадиных подков по камню, и крики возниц, и другие звуки глохли в насквозь пропитанном сыростью воздухе.

На перекрёстке Маркс столкнулся с усталой женщиной, которая несла корзину с красными яблоками. Извинившись, он приподнял шляпу. Верно, какая-нибудь работница с фабрики. И яблоки явно не себе. Того, что ей платит фабрикант, едва хватает на скудную одежду и более чем скромную еду.

Чёртов туман! В нём недолго и заблудиться. Ленхен права: какая может быть прогулка в такую скверную погоду.

Ну вот и ещё чуть не раздавил кого-то. Кто-то маленький и шустрый вынырнул из тумана прямо Марксу под ноги.

— Мне очень неприятно, — сказал Маркс.

— Простите, сэр, — прозвучало снизу. — Но это я сам виноват, это не вы. В таком тумане, конечно, нельзя бегать бегом. А я...

Елена Демут

Женни фон Вестфален

Мальчику-школьнику было лет десять. За спиной у него топорчился ранец. Глаза доверчиво смотрели на бородатого мужчину с могучей гривой волос.

— Куда же мы так торопимся? — поинтересовался Маркс.

— У меня, сэр, очень важное дело, — торопливо заговорил мальчишка. — Такое важное дело, что вы себе и представить не можете. Мы вчера договорились со Штанами...

Маркс знал все европейские языки, а три из них — немецкий, французский и английский — в совершенстве. Мальчишка говорил по-английски. Но Маркс почти ничего не понял из его торопливой скороговорки. Получилось, что мальчишка договорился вчера с собственными штанами относительно какого-то менного ножа. И теперь он мчался с этим самым менным ножом к своим собственным штанам. Хотя штаны, как совершенно точно определил Маркс, присутствовали у мальчишки на своём законном месте.

— Вы, право, сэр, какой-то совершенно непонятливый, — протянул мальчишка, недоумённо тараща глаза на Маркса. — Чего же здесь странного? Штаны — это так зовут моего лучшего друга Боба. А «swap» (вы будто никогда даже в школе не учились! У нас все так говорят в школе) означает «менять». Мы вчера договорились со Штанами, что обмениваемся перочинными ножиками. А Штаны сегодня почему-то не пришёл в школу. Вот я и бегу к нему.

— Да, — вздохнул Маркс, — вы меня, молодой человек, совершенно сразили. Ignorantia non est argumentum.

— Чего, чего? — захлопал глазами мальчишка.

— У меня тоже есть друг, — сказал Маркс. — Его зовут Фридрихом. Так вот он любит повторять это латинское выражение, которое гласит: «Невежество не есть аргумент».

— У кого это, интересно, невежество? — обиделся мальчишка.

— Конечно же у меня, — поспешил успокоить его Маркс. — Ведь это я не понял вас. А сейчас, как я догадываюсь, вы торопитесь к Штанам, чтобы узнать, что с ним произошло?

— Зачем? Чтобы поменяться ножичками.

— Вот это правильно,— похвалил Маркс.— Чрезвычайно правильно! Самое главное — выменять у Штанов хороший ножик. А что там с ним случилось — это уже не столь важно.

— Почему? — надулся мальчишка. — Может, это совсем даже Штаны выменяет у меня хороший ножик. У меня во какой ножик. Вы посмотрите какой.

На ладони у мальчишки матово блеснула костяная ручка.

— Сколько лезвий? — быстро спросил Маркс.

— Одно.

— Эко, удивили! А у меня целых два. — На большой смуглой ладони Маркса мигом очутился перочинный нож.— Swap? — спросил Маркс.

— Swap? — вспыхнул мальчишка.— Вы это правду, сэр?

— Разумеется, — сказал Маркс. — Хотя ваш нож и с одним лезвием, но он мне нравится.

— Да, с одним! — закипятился мальчишка. — А у вас хотя и два, да оба тупые.

— Не такие уж тупые, — обиделся Маркс, — впрочем, если вам кажется... Ладно, добавлю к своему тупому ножу ещё пенни. По рукам?

Они ударили по рукам. И Маркс крикнул вдогонку счастливому, уже почти растаявшему в тумане мальчишке:

— Передавайте от меня привет Штанам!

Как мало нужно человеку для отдыха! Всего несколько искренних слов. Всего чуть-чуть притронулся к первозданной чистоте молодости, пока юную душу ещё не затянуло паутиной выработанной буржуазным обществом лжи, лицемерия, корысти. Сколько он проговорил с мальчиком? А усталость как рукой сняло. И снова потянуло к столу, к своим бумагам, к книгам.

Чиркая спичками, Маркс с трудом раскурил сигару и повернул обратно к дому. Этот проклятый туман пропитал сыростью абсолютно всё — и одежду, и табак, и спички. Маркс и обычно-то не был в ладах со спичками, тратил на каждую сигару чуть ли не по коробку. А с этим туманом...

За работой (да и не только за ней) он много курил. «Капитал» отбирал все силы и энергию. Без привычной сигары, казалось, не вытянуть. Но в то же время Маркс шутил, что издание «Капитала» наверняка не оправдает даже тех затрат, которые пошли на выкуранный за это время табак. Впрочем, чего же он хотел? Чтобы за вынесенный капитализму смертный приговор этот же самый капитализм заплатил ему хорошие деньги? Смешно! Прямо-таки парадоксально!

Дрова в камине, пока он прогуливался, догорели. От затянутых пеплом углей шёл сухой ровный жар. Рукопись на столе притягивала. И, опустившись в кресло, Маркс мгновенно отключился от мелочной суеты окружающей его жизни.

Жена несколько раз заглядывала в комнату, звала обедать.

— Да, да, — попытался отмахнуться он. — Сейчас иду, дорогая, я иду. Одну минутку.

Он дождался-таки, что за ним пришла Ленхен. Та не стала церемониться:

— Мавр, заставляете себя ждать — это, вот что я вам скажу, неуважительно по отношению к людям, с которыми вы живёте. А если добавить, что эти люди — женщины, то вы вообще первобытный и неотёсанный дикарь.

— Да, да, — попытался отмахнуться он.

Но Ленхен была тверда.

Женни

Лаура

Элеонора

— Мавр! — повторила она.

И он покорно, правда не без ворчания, поднялся и впереди Ленхен отправился в столовую.

Столовая! Он до сих пор никак не мог привыкнуть, что у них есть своя собственная столовая, что каждая из дочерей имеет свою комнату. Ведь совсем недавно они вшестером ютились в маленькой двухкомнатной квартире на Дин-стрит. И жить бы им там и поныне, если бы не наследство, что получил Маркс после смерти матери.

Наспех пообедав, он вновь заторопился к себе. И вдруг вспомнил про обещание, которое дал Ленхен.

— Так как же относительно шахмат? — обернулся он уже в дверях.

Ленхен вместе с девочками собирала со стола грязную посуду.

— А посуду помоете вы? — спросила она.

Младшая дочка — любимица семьи Элеонора радостно захлопала в ладоши.

— Великолепная идея! — воскликнула она. — Почему бы тебе, старина, один разочек действительно не помыть посуду?

— Тем более, — строго добавила средняя, Лаура, — что мытьё посуды не менее полезно, чем игра в шахматы.

— Девочки! — вынуждена была вмешаться мать. — Только не теряйте, пожалуйста, чувства меры.

— Я принимаю вызов! — выкинул руку Маркс. — Играем три партии. Проигравший отправляется на кухню мыть посуду. А ты, Кви-Кви, чего примолкла? — обратился он к старшей дочери.

— У меня, Мавр, есть к тебе несколько иное предложение, — тихо сказала Женни. — Я думала, ты и впрямь очень занят. Но раз шахматы... Можно я сейчас зайду к тебе с небольшой анкетой?

— Да, да, заходи! Все заходите! — закричал Маркс. — Я хочу, чтобы все видели, как я сейчас классически разделаю эту зазнавшуюся хвастунью Ленхен!

Первую партию выиграл Маркс. Они пристроились с Ленхен на диване. Лаура и Элеонора с интересом наблюдали за сражением. Как-никак на карту было поставлено не просто мытьё посуды.

Во второй партии сильней оказалась Ленхен.

— Случайность! Абсолютно явная случайность! — забегал по комнате Маркс.

Он ещё метался из угла в угол, когда в комнату зашла старшая дочь, Женни.

— Проиграл? — сразу поняла она,

Женнихен принесла небольшой альбом в ярком картонном переплёте.

— Мавр, — сказала она, похлопав по альбому рукой, — анкета вот здесь. Два десятка очень жизненных вопросов.

Наверное, Женнихен появилась весьма вовремя. Марксу совсем не хотелось проигрывать третью партию.

— Это наверняка совершенно великолепная анкета! — загремел он. — Отвечаем на вопросы анкеты!

Они заполняли анкету вместе. Заполняли с шутками и смехом. Ответы были и серьёзные и задорно-весёлые. Женнихен задавала вопрос, и каждый по-своему отвечал на него.

— Достоинство, которое вы больше всего цените в людях, — звенел её голос.

— Простота, — сказал Маркс.

— Правдивость, — сказала Птичий Глаз.

— Точно, правдивость, — поддержала сестру Злой Карлик Альберих.

— Решительность, — твёрдо сказала Ленхен.

Когда кончились вопросы и ответы на них были занесены в альбом, неутомимая Ленхен напомнила:

— А как же всё-таки третья партия, Мавр?

— Я к вашим услугам, леди, — галантно отозвался Маркс. — Или, быть может, вы подумали, что я хотел ударить в кусты? Я никогда не удирал в кусты!

Он проиграл третью партию. И захохотал на весь дом:

— Где мой передник?! Немедленно дайте мне мой передник! У меня полный дом женщин, но я с гордостью иду мыть посуду!

Ему не дали передника. Шутя и подтрунивая над ним, дочки усадили его в кресло.

— Ладно, старина, на этот раз мы вымоем посуду за тебя. Но если ты собираешься проигрывать Ленхен и дальше, тебя уже ничто не спасёт.

Шумной стайкой они убежали из комнаты. А он взял перо и сразу отключился от всего, что окружало его минуту назад.

В СЕНТЯБРЕ 1960 года в Москву, в столицу первого в мире государства рабочих и крестьян, приехал погостить правнук Карла Маркса Марсель Шарль Лонге. Он привёз в подарок Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранившиеся у него бумаги прадеда. Среди этих бумаг оказался и небольшой альбом в твёрдом картонном переплёте, с плотной голубоватой бумагой. Треть его занимали своеобразные анкеты, так называемые «исповеди» или «признания», очень распространённые среди молодёжи Англии в шестидесятых годах прошлого века.

В партийном архиве Института уже хранились подобные «исповеди» Маркса. Но та, что в альбоме Марселя Шарля Лонге, несколько отличалась от них.

Вот некоторые из наиболее интересных анкет этого альбома, которые мы даём с незначительными сокращениями.

КАРЛ МАРКС

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— простота
в мужчине	— сила
в женщине	— слабость
Ваша отличительная черта	— целеустремлённость
Недостаток, который вы считаете наиболее извинительным, который внушает вам наибольшее отвращение	— легковерие
Ваше любимое занятие	— угодничество
Ваш любимый поэт	— рыться в книгах
	— Данте, Эсхил, Шекспир, Гёте
Ваш любимый прозаик	— Дидро, Лессинг, Гегель, Бальзак
Ваш любимый герой	— Спартак, Кеплер
Ваш любимый цвет	— красный
Ваше любимое блюдо	— рыба
Ваше любимое изречение	— «Ничто человеческое мне не чуждо»
Ваш любимый девиз	— «Подвергай всё сомнению»

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН (жена Маркса)

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— искренность
в мужчине	— стойкость
в женщине	— сердечность
Ваша отличительная черта	— повышенная чувствительность
Ваше представление о счастье	— здоровье
о несчастье	— зависимость от других
Недостаток, который вы считаете наиболее извинительным, который внушает вам наибольшее отвращение	— нерешительность
Ваша антипатия	— неблагодарность
Ваше любимое занятие	— долги
Ваш любимый поэт	— шитьё
Ваш любимый цветок	— Гёте
Ваш любимый цвет	— роза
Ваше любимое житейское правило	— синий
	— «Не придавай ничему значения»
Ваш девиз	— «Никогда не отчаиваться»

ЖЕННИ МАРКС

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— человечность
в мужчине	— моральное мужество
в женщине	— преданность

Представление о счастье	— любить
Недостаток, который мне ненави- стен	— зависть
который я считаю наиболее изви- нительным	— легковерие
Моя антипатия	— предрассудки
Любимый герой	— Гракх
Любимый поэт	— Шекспир
цветок	— лилия
цвет	— красный
изречение	— «Будь верен самому себе»
девиз	— «Через тернии к звездам»

ЛАУРА МАРКС

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— правдивость
в мужчине	— справедливость
в женщине	— милосердие
Ваша отличительная черта	— нерешительность
Ваше представление о счастье	— сознание, что ты любима
Ваше представление о несчастье	— презрение к себе
Недостаток, который вы считаете извинительным,	— мечтательность
который внушает вам наиболь- шее отвращение	— ханжество
Ваше любимое занятие	— чтение
Ваш любимый поэт	— Шекспир
прозаик	— Сервантес
герой	— Шелли
цветок	— роза
цвет	— голубой
изречение	— «Познай самого себя»
девиз	— «Истина превыше всего, и она восторжествует»

ЭЛЕОНОРА МАРКС

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— правдивость
в мужчине	— смелость
Ваша отличительная черта	— любопытство
Ваше представление о несчастье	— зубная боль
Ваша антипатия	— холодная баранина
Любимое занятие	— гимнастика
поэт	— Шекспир
герой	— Гарибальди
цвет	— белый

ЕЛЕНА ДЕМУТ

Достоинство, которое вы больше всего цените в людях	— решительность
в мужчине	— смелость
в женщине	— хороший характер

Моя отличительная черта

Моё представление о счастье

о несчастье

Недостаток, который вы считаете
извинительным,
который внушает вам наибольшее
отвращение

Ваша антипатия

Любимое занятие

Любимый герой

Любимая героиня

Любимый поэт

прозаик

цветок

цвет

Любимое блюдо

девиз

— любовь к молодым Марк-сам

— съесть обед, который я не
готовила

— зависеть от других

— расточительность

— самомнение

— скупец

— строить воздушные замки

— мой кофейник

— моя самая большая ско-
вородка

— тот, о котором мне меньше
всего известно

— Эжен Сю

— роза

— синий

— свинина

— «Живи и жить давай дру-
гим!»

А. А. МИЛН

Рис. Ю. Бочкарёва

Ну и повар!

Знаете, как Джонни
Сладкий крем сбивал?
В перечницу Джонни
Сахар натолкал,
Тёр с горчицею желток,
Молоком залил чеснок,
Жарил, парил, кипятил.
— Ам! — всё разом

проглотил.

И раздался страшный

крик:

— Караул! Горит язык!..

— Вижу дым, — хохочет

брат, —

Пей скорее лимонад!

Перевёл с английского
Е. РУЖЕНЦЕВ

Е. ЕФИМОВСКИЙ

Сон

«Что приснится — то случится, —
 Федя молвил невзначай. —
 Ночью видишь единицу,
 А наутро — получи!»
 «Это так», — вздохнула Зойка!
 В разговор Сергей вступил:
 «Мне вчера приснилась
   двойка —
 Я пятёрку получил».
 Зойка очень удивилась:
 «Как же это может быть?»
 «Только двойка мне
   приснилась,
 Я проснулся — сел учить».

Тимуровцы

Всем тимуровским отрядом
 Мы пришли к старушке на дом.
 Позвонили, объяснили: кто, зачем
   и как.

Мол, Сергей займётся стиркой,
 В магазин Андреев с Иркой,
 Рэм — он вымоет квартиру...
 Вышло всё не так:
 Помогла старушка Рэму —
 Объяснила теорему,
 А Сергею залатала рваные штаны,
 С Ирки смыла все чернила,
 Чаем сладким угостила
 И наавтра пригласила
 Прямо на блины!

Рис. А. Курушина

Лизелотта
ВЕЛЬСКОИФ-
ГЕНРИХ
●●●●●●●●●●

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЕВА

Начальник поезда приготовил необходимый инструмент. Кое-кто из вооружённых пассажиров также предложил свои услуги. Браун отправился в качестве руководителя группы и позвал с собой Матотаупу.

Они быстро прошли участок пути до бизоньей тропы. Повреждений не было. Но там, где на рельсах потопталось стадо, был необходим ремонт.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

Матотаупа и Джо Браун поднялись на возвышенность, чтобы как следует осмотреть окружающую местность. Они не обнаружили ничего внушающего подозрение. Со стороны путей доносились удары молотков и голоса переговаривающихся людей. Ветер усиливался.

— Гарри великолепно сражался, — сказал инженер. — В темноте он разыграл роль вождя, и они сами попали к нам в лапы. Это было, ко-

нечно, не так просто, но я уверен, что Тазунка Витко сыт по горло.

— Тазунка Витко? — Это известие поразило Топа.

— Да, твой старый враг. Я думаю, ты бы теперь с удовольствием направился по его следам.

— Хау!

— Но нельзя, Топ, нельзя. Сегодня во всяком случае нельзя. Ты сам видишь, как обстоят дела. И так нам недостает здесь опытных людей. Ты наш разведчик и не имеешь права заниматься своими делами.

Матотаупа тяжело вздохнул, но не возражал.

Прошло около двух часов, когда Матотаупа и Браун возвратились к месту работ. Ремонт за это время был завершён, и поезду подали сигнал продолжать движение. Осторожно, малым ходом двинулся паровоз и потащил за собой вагоны.

Машинист остановил поезд, чтобы посадить рабочих.

— Вы поедете с нами? — спросил начальник поезда Брауна.

— Спасибо, я остаюсь.

Поезд поехал.

— Ну а мы двинемся на станцию? — Браун вопрошающе посмотрел на людей отряда, которых привёл сюда.

— Сперва небольшой завтрак! Начальник поезда нам кое-что оставил за работу!

Инженер увидел бочку пива, бренди и ящик с хлебом и ветчиной.

— Ну что ж, отметим победу! Не возражаю.

Пока отряд был в прерии, в лагере шла работа по восстановлению разрушенного.

Шум утихал. Раненых ставили в одну большую палатку. Для убитых вырыли общую могилу. Начали сколачивать новый домик для начальника лагеря Тейлора-второго.

Поздним вечером кто-то тихонько постучал в дверь комнаты художника. Моррис откликнулся:

— Войдите.

Дверь открылась. Моррис вздрогнул. Перед ним было чёрное, покрытое рубцами лицо без носа, голова без ушей. Моррис вспомнил о видении, которое промелькнуло перед ним ночью у раненых. Но он взял себя в руки и сказал:

— Входите же.

Женщина в чёрной кожаной одежде плотно прикрыла за собою дверь. Чёрный цвет у индейцев — цвет скорби, жертвенности, покаяния. В руках у неё было кожаное одеяло и какие-то вещи.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррис, он положил руки на колени, наклонил голову, и глаза его были устремлены в глаза вошедшей.

— Ты знаешь, что такое линчевание?

Моррис ужаснулся:

— Тебе угрожает линчевание?

— Нет, не мне, но они хотят линчевать индейца сиу. — Индианка отчётливым шёпотом произносила английские слова.

— Какого индейца? — Моррис говорил так же очень тихо. — Неужели моего краснокожего брата Длинное Копьё?

Индианка покачала головой:

— Нет, не Длинное Копьё.

— Кого же?

— Харку.

— Гарри?! — Художник ужаснулся. — Где же Джо Браун?

— Уехал к поезду. Ещё не вернулся.

— Это ужасно. Кто вынес приговор линчевать?

— Кровавый Билл. А теперь и все так думают. Масса Тейлор-второй сказал: линчевать — это правильно. Все пьют, и все говорят: линчевать Гарри. Они кипятят бочку смолы. Они хотят вымазать его горячей смолой. Потом хотят обвалить его в перьях и гонять, пока он не умрёт.

— Какое варварство! Надо предупредить Харку. Кто-нибудь его видел?

— Нет. Но конь здесь. Дакота всегда придёт к своему коню.

— Что же делать? Где Матотаупа?

— Не вернулся от поезда.

— Нельзя ли найти тех людей, которых Харка собрал защищать лагерь?

— Они тоже у поезда.

— Все нужные люди у поезда! Но надо действовать!

— Теперь вы знаете всё, — тихо сказала женщина. — Я оставлю у вас одеяло из бизоньей кожи — это одеяло Харки, я оставлю у вас лук — это лук Харки, я оставлю у вас перья — это орлиные перья

Харки, я оставляю у вас вампум * — это вампум для Харки, это вампум из хижины вождя Оцеолы, которого белые люди предали и убили. Харка прочитает, что говорит вампум. Вампум — завещание Оцеолы. А теперь я оставляю вас.

Индианка повернулась, тихо приоткрыла дверь и вышла. Спустя некоторое время Длинное Копьё сказал:

— Я посмотрю, что делается снаружи...

Когда Шайен возвратился, он сел на край кровати, сложил руки на коленях и опустил голову.

— Ну что, Длинное Копьё?

— Очень плохо, мой белый брат, Далеко Летающая Птица, Умелая Рука, Волшебная Палочка. Все бегают с оружием и хотят линчевать Харку. Если он появится в лагере — он пропал. Его палатка уничтожена. Они хотели линчевать семинолку, но она приняла яд. Кто-то облил её, уже мёртвую, горячей смолой.

— Как бы нам предупредить Джо Брауна и Матотаупу? Только они могут предотвратить несчастье, успокоить или во всяком случае обуздать этих пьяных тварей.

Длинное Копьё кивнул и вышел.

---

* Вампум — нанизанные на нити цветные раковины. Эти бусы из раковин, собранные в пояса, часто служили у индейцев Северной Америки своеобразными летописями событий, которые запечатлевались в них с помощью символики цветов: белый цвет означал мир, здоровье, благополучие; красный — войну; чёрный — смерть вождя. (Примечание переводчика.)

Ночью кто-то опять постучал в дверь. Затем она приоткрылась. Появилась голова в шляпе с опущенными полями, прикрывавшими лицо, затем — вся фигура в кожаной ковбойской одежде. В руках — ружьё. Вошедший бесшумно закрыл дверь и тоже сел на край постели. Ружьё он поставил прикладом на пол. Голова его была опущена, но потом он поднял её, и Моррис в свете лампы узнал его.

— Ха...— Моррис даже не произнёс имени.— Ты?!

— Да. Где мой отец?

— Ещё у поезда.

— Джо Браун?

— Тоже у поезда.

— Белые люди хотят линчевать меня.

— Может, ты где-нибудь спрячешься, пока не вернётся отец, Джо и остальные.

— Мог бы, но не хочу. Я уйду. Ты понял? Если тебе где-нибудь, когда-нибудь случится говорить с моим отцом, то скажи, что я ушёл к сиксикам, чтобы выдержать испытание и стать воином. Только после этого я вернусь и отыщу отца. Я, как воин, спрошу его ещё раз, согласен ли он расстаться с Рэдом Джимом?

— Да... Стой, Харка, женщина принесла для тебя одеяло из шкуры бизона, лук и ещё кое-что. Если хочешь посмотреть, вот это там всё, под кроватью.

Индеец нагнулся и увидел своё старое разрисованное одеяло, лук, орлиные перья и вампум. Вампум он сейчас же

взял в руки и стал внимательно рассматривать.

— Это из палатки Оцеолы,— пояснил Моррис.— Так сказала женщина. Она была семинолка?

— Да, она была семинолка и никогда этого не забывала,— ответил Харка.— Вампум содержит передаваемое из поколения в поколение завещание. Где Длинное Копьё?

— Снаружи. Он надеялся встретить тебя и предупредить. Ты его не видел? Я думаю, он приготовил для тебя одежду.

— Не надо. Я снял одежду с человека, который надругался над трупом женщины. Он чуть отошёл от лагеря и оказался слишком близко от моего ножа.

КОГДА утро сменило ночь, вторую ночь после схватки в лагере, двадцать человек посреди прерии очнулись от своего пьяного сна. Их мучила жажда, но не было воды.

Джо Браун, который знал меру выпивки, всю ночь держал дозор. Он не дал Топу напиться до бесчувствия, и лишь они двое теперь твёрдо стояли на ногах.

— Тихо,— сказал Джо.— Кто это там скачет? Не Гарри ли?

— Это мой сын,— сказал Матотаупа.

Юноша ехал на пегом коне. Он подскакал на галопе, резко остановил коня и соскочил на землю. Он снова был одет как индеец. Вампум был на нём.

Выражение его лица было чуть высокомерно и неприяз-

ненно, но дышал он спокойно, и по всему этому Матотаупа знал, что подъехавший почувствовал запах алкоголя.

— На станцию напал Тазунка Витко? — спросил Матотаупа сына, хотя хотел бы сказать другие, более тёплые слова.

— Хау.

— А потом?

— Потом он охотился на бизонов.

— Ты его преследовал?

— Нет.

— Ты не преследовал Тазунку Витко? Почему?

С этим «почему» в Харке

ранее не ответил на вызов Тазунки Витко на единоборство не потому, что в пылу борьбы испугался опасности, а потому, что не хотел действовать на руку белым, покушаясь на великого вождя дакотов. Не хотел, хотя Тазунка Витко и оскорбил Матотаупу. Харка не преследовал Тазунку Витко, Харка помог скрыться раненым дакотам, Харка далеко отнёс убитых воинов, чтобы не дать белым возможности надругаться над мёртвыми. Это «почему» затронуло в Харке большой и пока неразрешимый вопрос — ради чего он живёт?

возникло множество внутренних противоречий, и, главное, он не хотел больше подчиняться своему отцу. Харка загнал своего коня, которого очень любил, для того чтобы предупредить белых, он заманил дакотов в ловушку, он убивал воинов дакотов, и теперь новая кровавая вражда встала между ним и его племенем. Он и

Он не сразу ответил на вопрос Матотаупы. Отец, может быть, расценил это молчание как нежелание отвечать на вопрос. Он повторил:

— Ты не преследовал Тазунку Витко? Почему?

Это уже было слишком, и на удар Харка ответил ударом:

— Почему? Потому что твою месть я оставляю тебе,

Матотаупа. Пусть женские языки не болтают, что сын, который ещё не стал воином, мстит за тебя.

У Матотаупы перехватило дыхание. Наконец он крикнул с перекошенным лицом на английском языке:

— Пошли, мои белые братья. Мы едем к станции! Я ваш разведчик и не оставлю вас, несмотря на то что я хотел бы мстить! Я сказал! Хау!

— На станцию! — завопили все. — Там мы отпразднуем нашу победу как следует!

Харка, не прощаясь, поехал прочь.

ЖЕРТВА СОЛНЦУ

Харка благополучно добрался до сиксиков. Те с радостью приняли его. Тут он, как будущий воин, получил ещё одно новое имя — Камень С Рогами. А сын вождя сиксиков, Быстрый Как Олень, с которым он подружился и который тоже готовился стать воином, стал теперь называться Громом Гор.

Вампум Оцеолы — символ верности своему народу — Харка свято хранил.

Однажды Харку позвал в свою палатку жрец.

— С давних лет мужчины наших палаток по обычаю предков становятся воинами, совершив Танец Солнца, — сказал жрец. — Готов ли ты, Камень С Рогами, принести жертву Солнцу?

— Хау! — произнёс Харка.

— Ты дакота?

Харка не отвечал.

— Ты сиксик?

Харка молчал. Дакота ли он теперь, он не знал. Не стал он и сиксиком. Одно было ему хорошо известно — он просто краснокожий.

— Духи сообщили мне, — продолжал жрец, — что этим летом ты и твой друг Гром Гор должны стать воинами.

— Хау! — сказал Харка и по знаку жреца вышел из палатки.

ТЁПЛОЕ ЛЕТО пришло на смену весне. Посланники сиксиков вернулись от своего верховного вождя с известием, что переговоры с дакотами и ассинибойнами завершились успешно и что постановлено вместе отмечать праздник Солнца и все восемь дней и ночей, которые отведены для праздника, сохранять мир. Представители племён должны были собраться в прерии между Миссури и Йеллоустон-ривер — Желтокаменной рекой, в области, из-за которой уже не раз происходили стычки, так как многие племена считали её своей. Весенняя охота прошла удачно, и можно было собраться на праздник, а к осени возвратиться к своим палаткам.

Сиксикам, вождём которых был Горящая Вода, также нужно было выделить представителей на празднество. Но к этому роду принадлежали оба молодых воина, которым предстояло принести жертву Солнцу, и Совет воинов решил отправиться всем лагерем.

Род сиксиков, возглавляемый вождём Горящая Вода, первым появился в условленном месте. Вскоре прибыли представители других родов племени сиксиков, верховные вожди, произошла встреча с дакотами и ассинибойнами. Среди расставленных палаток царило необыкновенное оживление: люди, лошади, собаки — всё это шевелилось, двигалось.

Наконец жрецы и вожди выслали глашатая сообщить всем о распорядке праздника. Нарядно одетые воины, юноши, а несколько поодаль женщины, девушки и дети слушали глашатая. Гром Гор и Камень С Рогами стояли вместе в первом ряду. На обоих были вышитые куртки. У Камня С Рогами — ожерелье из когтей гризли, вампум Оцеолы, из-под налобной повязки торчали два орлиных пера. Взгляды невольно устремлялись на обоих участников торжества, которым предстояло принести жертву Солнцу.

Выслушав объявление глашатая, Гром Гор и Камень С Рогами вернулись в палатку. Юноши присели около очага с притушенным огнём.

— Ты видел их? — спросил Гром Гор.

— Кого?

— Тазунку Витко и Татанку Йотанку.

— Да, я их видел.

— Воины сиксики, ассинибойны и дакоты будут показывать минувшие события.

— Я это слышал.

— Будет показана борьба Тазунки Витко, как его взяли в плен, и его бегство. И тебе придётся принять в представлении участие, потому что ты должен Тазунке Витко дать ружьё, когда он будет стоять у столба.

— Мне это не очень нравится. Кто же предложил такое вождям и старейшинам?

Гром Гор замялся.

— Мудрый Змей, — произнёс он наконец. — Ассинибойны и Тазунка Витко согласились. Ты недоверчив.

— Да, я рано научился быть недоверчивым, но я недоверчив только к врагам, а не к братьям по племени. Мудрый Змей — враг моего отца.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ Камень С Рогами один выехал в прерию, опустил на землю и долго смотрел на заходящее солнце. Он думал о том, что сообщил ему Гром Гор. И чем больше он задумывался над этим, тем больше становилось его беспокойство. Вместе с тем он не видел способа отказаться от роли, назначенной ему вождями. Ведь тогда все языки стали бы говорить, что Харка, Твёрдый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, носящий теперь имя Камень С Рогами, побоялся трудностей, а ведь он — сын Матотаупы...

Юноша долго ещё сидел в раздумье...

Представление минувших событий!

Камень С Рогами должен разыграть сцену борьбы с Тазункой Витко, и Тазунка Вит-

ко дал на это согласие. Тазунка Витко, от вызова которого на поединок уклонился Харка, — разведчик белых!..

БЫЛА глубокая ночь, а Харка всё ещё оставался в прерии. В лагере давно уж уложили мальчиков, которым на следующий день предстояло состязаться; улеглись девочки, их матери, бабушки. Кончили совещаться вожди и старейшины, замолкли барабаны жрецов. Сон овладел обитателями посёлка.

Только в одной типи пара глаз блестела в темноте.

Эта типи стояла в южной части лагеря, где расположились дакоты. На стенках типи были изображены подвиги её хозяина и флейта. Типи принадлежала Чотанке, одному из лучших воинов рода Медведицы. Чотанка — это и означает флейта. Он приехал на праздник с женой, сыном, молодым воином по имени Острие Стрелы, женой сына и сестрой Харки — Уиноной. Татанка Йотанка дал знать, что ему следует поехать на праздник, передал, кого взять с собой.

Уинона не могла заснуть. Когда объявили распорядок праздника, она стояла позади

женщин и девушек. По другую сторону круга людей, обступивших глашатая, она вдруг увидела брата. Она даже подумала: уж не померещилось ли ей это? Но нет, она не ошиблась: среди воинов сиксиков стоял её брат — Харка, Твёрдый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка. Последний раз она видела его, когда ему было двенадцать лет. Как вырос Харка! Стройный, высокий и гордый стоял он среди воинов. На нём были орлиные перья, вампум.

Когда глашатай сообщил о Солнечном танце, девушки, стоящие рядом с Уиноной, зашептались, глаза всех устремились на Харку и Грома Гор, которые стояли в первом ряду. Уинона поняла, что её брат — один из двух молодых воинов, которые принесут на празднике жертву Солнцу.

Она видела, как Харка с Громом Гор ушёл в палатку, видела, как он много позже наблюдал за играющими детьми, видела, как к вечеру он уехал в прерию. И теперь, лёжа с открытыми глазами, она прислушивалась, не послышится ли топот его коня. Но всё было тихо. Он так и не возвращался.

(Продолжение следует)

Перевод А. А. Девеля,
А. П. Ломана

В. НИКИФОРОВ

Каскадёр

Летит аркан, со свистом разрезан воздух. Секунда — и петля затягивается на горле бандита. Он хрипит, стараясь высвободиться, стучит ногами по песку.

Помните, откуда это? Ну, конечно же! Это эпизод из знакомого вам фильма «Белое солнце пустыни». Аркан метал Саид. Его роль исполнял популярный актёр Спартак Мишулин. А «бандит»... Кто же исполнял эту роль? Нет, в титрах фамилии этого актёра вы не найдёте. Если же встретите этого человека на улице, вряд ли узнаете его в лицо. А ведь он снялся уже более чем в восьмидесяти фильмах. Зовут его — Массарский Александр Самойлович. А профессия его — каскадёр. Одна из редчайших и удивительнейших.

Впрочем, предоставляю слово лучшему известному актёру и режиссёру Алексею Баталову, который в своём предисловии к статье А. Массарского, опубликованной в одном из журналов, писал:

«О кино любят писать и рассказывать всяческие чудеса, связанные с возможностями техники, с могуществом якобы всюду применяемых комбинированных

съёмок. Мне кажется, что в последнее время количество этих историй обратно пропорционально их фактическому применению в кино.

Сейчас «обмануть», удивить, ошарашить трюком во сто раз сложнее, чем это было двадцать или даже десять лет назад. Вкус к живому и подлинному вместе с цветом, форматом и огромным количеством кинолент возрос невероятно.

Но трюки нужны, и они есть. Трюковые сцены или игровые куски с вкраплениями эффектного трюка остаются необходимым элементом, а зачастую украшением самых серьёзных фильмов.

Стало быть, кто-то постоянно, точно и эффектно должен это придумывать, строить и, наконец, — что самое главное — и опасно выполнять.

И выполняет это Массарский, его друзья — ученики. Чего только не приходилось делать Александру Самойловичу за свою «жизнь каскадёра». Он прыгал с пятиэтажного дома, был «пронзён» шпагой, «повешен», «тонул», «погибал» в автомобильной катастрофе.

Когда видишь на экране работу каскадёра — поражаешься. Когда ближе знакомишься с представителями этой профессии, проникаешься уважением к тому трудолюбию, которое отличает этих людей, к той смелости и самоотверженности, которая присуща им. Трюк в фильме занимает лишь несколько секунд, но как даются эти мгновения!..

Однажды, когда в Конго, под Браззавилем, снимали советский фильм «Комитет 19-ти», с Массарским произошёл любопытный случай. Вот как он вспоминает сам:

— Я тогда работал тренером-постановщиком трюков. Режиссёром фильма был Савва Кулиш. Мне предстояло показать, как действует офицер наёмников, как он бежит, спасается от пуль. Микросценарий этого эпизода я знал досконально, много раз «проигрывал» его мысленно. Неожиданностей, казалось, не должно быть никаких. И вот застрекотала кинокамера.

Отвожу предохранитель пистолета. Расслабляю мышцы. Сосредотачиваюсь. И — срываюсь с места. Помню: сейчас за спиной должен раздаться лязг затвора, автоматная очередь. Но за несколько мгновений до этого я подпрыгну, перевернусь в воздухе, чтобы уйти от пуль, и в повороте успею трижды выстрелить в выскочившего из автомобиля человека. Потом упаду на траву, брошусь в джунгли.

Всё идёт как положено. Щёлкает затвор. Я взрываюсь в воздух. Переворачиваюсь, стреляю, падаю... И тут же с ужасом вижу, что как раз в том месте, куда я должен приземлиться, из густой травы высовывается острая голова змеи...»

Многое может каскадёр. Но вот повиснуть в воздухе пока не в его силах. А Массарскому в тот момент очень бы хотелось обрести крылья...

К слову сказать, даже кинематографисты-профессионалы считают, что каскадёры всемогущи, что они могут всё.

Давно-давно, в самом начале творческой биографии Массарского, произошёл такой случай. Александр Самойлович снимался тогда в эстонском фильме-балете, дублировал злого духа, похитителя девушки. Актёр-принц поднимал каскадёра на вытянутых руках и бросал со скалы вниз. Скала — пять метров. Внизу, у подножья, лишь несколько матов.

Массарский потрогал страховочную подстилку и говорит режиссёру:

— Конечно, если б постелили носовой платок, было бы жёстче.

Режиссёр шутки не захотел понять:

— А мне говорили, что вы не боитесь падать с любой высоты.

Было задело самолюбие начинающего молодого «трюкача». Александр Самойлович прыгнул. К счастью, обошлось без травмы.

Спустя несколько лет Массарский снимался в фильме режиссёра Андрея Тутышкина «Свадьба в Малиновке». Каскадёру поручили поставить бой на казацких шашках. Оружие пришлось взять настоящее. Бутафорское зрители бы заметили.

Начали репетировать сцену. Артист Григорий Абрикосов напал на Массарского, делал выпад, чтоб поразить «противника». Каскадёр ловко уклонялся, пропускал клинок под мышкой и ударом ладони выбивал оружие из рук фехтующего.

После репетиции готовую сцену показали режиссёру. Массарский выбивает шашку из руки Абрикосова. Она со свистом пролетает сквозь перила лестницы, срезает стекло горячей керосиновой лампы (даже пламя не шелохнулось) и вонзается в дверь.

Тутышкин был удовлетворён.

— Давайте снимать, — сказал он. — Трюк поставлен хорошо.

Массарский попытался доказать, что полёт сабли — случайность, но режиссёр не поверил.

Чудодейственная лёгкость, с которой каскадёры выполняют свои приёмы, возможно, и даёт основание считать, что эти люди могут всё. Но дело в том, что лёгкость-то эта даётся с большим трудом, она — результат множества тренировок, репетиций.

Продолжу рассказ о том эпизоде, который вошёл в фильм «Комитет 19-ти». Вернее, снова дам слово Массарскому.

— Когда я увидел перед собою змею, её раздвоенное жало, я, честно говоря, испугался, — вспоминает Массарский и, подумав, добавляет: — меня всегда удивляет, что в критические моменты моё тело вдруг начинает действовать словно помимо моей воли, моментально выбирая самые рациональные варианты. При этом я чётко оцениваю обстановку и, пожалуй, не чувствую страха (только потом, когда опасность минует, становится как-то не по себе). Такое автономное поведение тела — и есть результат многолетних тренировок.

И вот тогда, когда я как бы завис над змеей, мои

руки и ноги сами резко подтянулись к груди. Я понял: спиной я уже не упаду. Короче, я ещё успел стволом пистолета отвести голову змее и только тогда «приземлился». Змея уползла, оставив на стали две крупные капли яда. Напряжение спало. Полёт мой продолжался не больше секунды.

...В одну из ленинградских школ после уроков пришёл тренер по самбо записывать желающих заниматься этим видом борьбы. Спортсмен стал рассказывать о приёмах самообороны без оружия и вдруг неожиданно упал как подкошенный. Тут же встал и, улыбаясь, заметил:

— Настоящий самбист прежде всего должен уметь правильно падать.

Я был свидетелем этой своеобразной лекции и потом пересказал виденное Александру Самойловичу.

— Падение — это азы самбо, — согласился он.

Кажется, чего проще — упасть. Но так, как падает каскадёр, — этому надо учиться. И Массарский учит. Он сам когда-то достиг высот в этом виде спорта. Сейчас он — заслуженный тренер РСФСР по самбо. Это он придумал привлекать к спортивной борьбе мальчишек моложе четырнадцати лет. Арсенал самбо — десять тысяч приёмов, и чтобы овладеть всеми ими — нужно время. Александр Самойлович несколько лет назад создал экспериментальную группу. На Васильевском острове был создан клуб «Самбист». Завод-шеф приобрёл для ребят самый большой ковёр в стране, и начались занятия. Свыше сорока мастеров спорта вышло из малышоваго клуба. Многие спортсмены ныне помощники аса-каскадёра и сами каскадёры.

После выхода на экраны фильма «Мёртвый сезон» у Донатаса Баниониса, исполнявшего роль отважного советского разведчика, часто спрашивали, владеет ли он приёмами самбо, хорошо ли стреляет, водит машину.

Актёр скромно отвечал:

— Машину — вожу. Остальное — не моя заслуга.

Все трюковые сцены ставил и исполнял А. Массарский.

Помните сцену допроса в «Мёртвом сезоне»? Озверевший иностранный агент бьёт его по лицу, пинает, сбивает с ног. Но «громила» ни разу даже и не дотронулся до лица нашего разведчика, которого мастерски играет Р. Быков. Всякий раз кулак проходил в нескольких миллиметрах от лица.

Сейчас, когда широко известно о комбинированных съёмках, кое-кто из зрителей всё же спрашивает, взаправду ли умирают в кино, по-настоящему ли целуются, дерутся.

Действительно, в начале века при съёмках в кино били друг друга «как в жизни». В Голливуде подвизались даже специальные «мальчики для битья», которые за деньги выносили положенные по сценарию удары. Но потом от такой достоверности отказались.

— На экране воспринимаешь не сам удар, — говорит А. Массарский, — зрителю важен, так сказать, результат удара: падение, скажем. Бои и драки начали ставить

специалисты. Появились различные схемы поведения героев в схватке. Способов таких постановок множество. Например, герой бьёт партнёра в челюсть, но кулак незаметно для камеры проходит в сантиметре от лица. В этот момент партнёр «отыгрывает» удар — отшатывается, падает, опрокидывает мебель. После звукооператор «накладывает» на этот эпизод звук: крики, шум и так далее.

Велика важность, подумает иной, «поставить» драку!

Но дело в том, что в кино каскадёры играют не самих себя, а выступают как дублёры актёров. То есть они обязаны всё сделать так, чтоб ни у кого и сомнений не возникло, что трюки выполняет не артист.

Каскадёру приходится быть тенью актёра. Дублёр изучает походку, манеру держаться, двигаться мастеров кино. Поэтому всегда каскадёров гримируют под того или иного актёра. Грим создаёт эффект похожести, но требуется ещё и исполнительский талант, чтобы на экране незаметно было фальши. К слову сказать, Массарский владеет искусством перевоплощения. Он в молодости даже поступал в театральный институт на актёрское отделение. Правда, учиться ему пришлось в экономическом институте и в институте физкультуры. Но всё же Массарский пришёл в искусство со своей необычной ролью, с редким амплуа.

Вернёмся, однако, к съёмкам в кино актёров и их двойников при исполнении сложных трюков — каскадёров. И об этом, пожалуй, лучше Массарского никто не расскажет.

— Александр Иванов, Герберт Раппопорт, Григорий Козинцев, Иосиф Хейфиц, Алексей Баталов, Михаил Ершов, Владимир Мотыль, Геннадий Полока, Савва Кулиш... Я благодарен режиссёрам и актёрам, с которыми довелось работать, за то, что именно они помогли мне осознать творческое начало в работе каскадёра. В фильме «Белое солнце пустыни» я дублировал Павла Луспекаева! Ещё недавно он всё, самое сложное, делал только сам... Но на съёмках «Белого солнца» он появился с ампутированными ступнями... Я не перестаю преклоняться перед мужеством этого артиста и человека, который после долгой болезни, операции встал с постели и блистательно сыграл труднейшую роль Верещагина... Вы не заметите, где в фильме он, а где я. Но в этом не моя заслуга. Я находился под обаянием мастерства этого большого артиста. Его творческой энергии хватало на двоих, он заряжал ею окружающих.

Да, в фильме не различишь, где Массарский, а где Луспекаев. Но в архиве киностудии хранится короткометражная лента «Будет фильм», где Э. Розовский и Н. Строганов показали, как снимался фильм «Белое солнце пустыни». Там раскрываются секреты некоторых трюков, там видна черновая работа самого Массарского. И это единственный фильм, в котором мы видим самого Массарского. И это единственный фильм, в котором мы видим его настоящее лицо, а не гримированное под кого-либо.

Каскадёр-актёр. Это определение полностью относится к Александру Самойловичу. Но он ещё и постановщик трюков. А это уже режиссёрская работа.

В сценарии «Короля Лира» есть эпизод, когда слепой Глостер бредёт в сопровождении Эдгара. Они встречаются со слугой Освальдом, который замыслил убить Глостера. Мнимый нищий Эдгар вступает в схватку...

У Шекспира такая ремарка: «Дерутся. Эдгар опрокидывает его наземь». Освальд говорит: «Ты одолел. Возьми мой кошелёк. Похорони меня...»

Как же был убит Освальд? Массарский с режиссёром Г. Козинцевым долго бились над этой сценой. Козинцев хотел поставить сцену так, чтобы видно было: интриган убит «унизительно». Но как это показать? Массарский долго размышлял, а потом предложил:

— Пусть Эдгар, которому столько неприятностей в жизни доставил Освальд, задушит его в грязи босой ногой.

Козинцев поручил Александру Самойловичу поставить этот эпизод. Вы видели его в фильме.

...«Риск риску — рознь». Любимая поговорка Массарского. Обученный человек, тренированный, многократно отрепетировавший самую простую, на первый взгляд, сцену, подготовивший себе и партнёрам страховку, обеспечивший безопасность — только такой человек может рисковать «непринуждённо».

Любой работник ГАИ подтвердит, что чаще всего автомобильные катастрофы происходят на ровном шоссе, когда теряется бдительность.

— Для каскадёра умение рисковать — первое дело, — говорит Массарский, — и, знаете, когда мне предстоит выполнить самый опасный трюк, я спокоен. Знаменитый воздушный гимнаст из Голливуда Поль Манц умел сажать самолёт на крохотных пятючках среди скал, а погиб... в пустыне. Самолёт перевернулся на ровном месте. Американец же Билл Уильямс, совершавший головокружительные трюки на лошадях, погиб, когда ехал на ослике по ровной дороге. Большинство катастроф происходит не потому, что трюк смертелен, а потому, что теряется бдительность. Я не боюсь рисковать, когда я уверен в своих силах...

Вот передо мной человек. Обычный. Спокойный. Вроде даже чуточку флегматичный. Строгий костюм, в руке кожаная папка, а в ней чертёжи нового изобретения, над которым сейчас работает Массарский. Ведь он изобретатель кинокамеры для подводных съёмок, бани, которая «умещается» в чемодане, и многих других интересных новинок.

Человек, которому через несколько часов предстоит погибнуть в автомобильной катастрофе. Конечно, не по-настоящему. Но в фильме всё будет выглядеть так, как на самом деле.

И. СЕРГИЧ

История о храбром, умном и благо-
городном ирландце Коннеде, кото-
рый раздобыл золотые яблоки в
царстве морского царя Лаф Эрне —
Смеющегося орла.

(По мотивам ирландских саг)

Вот какое длинное название.

А всё потому, что эта длинная история про смелого Коннеду произошла много-много лет назад.

В то время ещё такого имени, как Ирландия, и в помине не было, да и такого, как Иннис Фодхла — Страна Судьбы, не слышали. Назывались же различные царства и королевства по имени царей или королей.

Было бы просто стыдно не рассказать вам про мудрого и великого царя Конномора, самого доброго из царей, каких только знала древняя Иннис Фодхла, да к тому же добрейшего человека во всей Ирландии, за исключением, правда, его жены Еды.

Царство Конномора находилось на западе Иннис Фодхлы и простиралось от знаменитой реки Шэннон — это если по прямой; вообще же царство Конномора было необъятным.

Царь Конномор и царица Еда очень любили друг друга, и все видели, какая это замечательная пара. Если чего-нибудь не хватало в одном, с избытком находилось в другом.

Их любви и дружбе удивлялись небо и море, и потому полны были закрома зерном, сады плодами, в озёрах и реках плескались бесчисленные рыбы, на пастбищах паслись тучные стада. Надо прямо сказать, что люди, жившие в Иннис

Фодхла, были счастливейшие из людей. Именно в то время Ирландия называлась Счастливейшим королевством.

И вот у славного Конномора и доброй Еды родился сын. Мудрые волшебники-друиды посоветовали назвать его в честь отца и матери Коннедой.

Вот тут-то и начинается настоящая история.

Коннеда рос сильным, умным, красивым и добрым. Царь и царица души в нём не чаяли. Весь народ любил Коннеду, и клянусь солнцем, луной, звёздами и всеми морями и всем другим, за исключением, конечно, самого Коннеды, что не было раньше в Иннис Фодхле такого прекрасного мальчика, как он.

И всё было бы по-другому, если бы не случилось несчастье. Вдруг тяжело заболела добрая Еда и вскоре умерла. С горя закрылся царь Конномор в своём дворце и никуда не выходил. Много дней плакал юный Коннеда, вспоминая свою мать. Плакали вместе с ним воины и крестьяне, женщины и дети, плакали даже деревья в лесу.

Прошло много лет.

Успокоился царь Конномор. Решил он жениться во второй раз. Послал он гонцов во все страны, чтобы нашли ему принцессу такую же красивую, умную и добрую, какой была Еда. Искали-искали слуги царя и нашли. На соседнем острове.

В Британии. Красивая была британка. Умная. И вроде бы добрая.

Но когда ищешь себе жену, глаза можешь оставить дома, а уши прихватить с собой.

Вначале, и в самом деле, новая жена Конномора была доброй. Все люди даже поверили, что она такая же, как Еда. Но вот, когда у неё родилось несколько детей, всё изменилось. Коннеда и не подозревал, как его ненавидела мачеха. Ведь чуть с ума не сходила от ненависти. А всё оттого, что не хотела, чтобы Коннеда стал царём в Иннис Фодхла после смерти Конномора. Хотела, чтобы её дети стали царями.

Поистине: кто думал только о себе, хотел раздробления Ирландии.

Решила британка сделать всё возможное, чтобы не стало Коннеды. Стала нащёптывать царю самые ужасные вещи про его сына. Но Конномор лишь смеялся в ответ. Тогда британка стала говорить плохие вещи про Коннеду всем воинам и крестьянам, женщинам и детям. Но те тоже только смеялись и отмахивались руками. Сам же Коннеда, хотя и слышал, что про него говорила мачеха, относился к ней с терпением и жалостью, так как всегда отвечал на зло добром. Увидев, что ничего ей не помогает, пошла она к старой злобной колдунье Кайлеахе, своей тетке и тетке всех английских королей. Это была не только злая, но и очень жадная волшебница. За горсть пшеницы

она могла сделать любое зло. Для неё не существовало друзей и все люди были её врагами.

Низко поклонилась британка Кайлеахе, которая даже не взглянула в её сторону.

— О добрая и мудрая Кайлеаха! — пропела сладким голосом мачеха. — Нет никого умнее тебя в Ирландии и на всём свете. Только ты можешь помочь мне. Я хочу, чтобы умер этот противный и злой Коннеда. Или уехал куда-нибудь и не возвращался. Если ты сможешь мне, я одарю тебя всем, чего ты пожелаешь.

— А не дороговато ли это будет для тебя, царица? — хитро прищурившись, спросила старуха.

— О Кайлеаха! Разве мало зерна в Иннис Фодхла? Разве мало шерсти в Иннис Фодхла? Разве не хватает рыб в Иннис Фодхла?

— Ну что ж, если ты настолько богата, то будет то, что ты хочешь. Но за это ты дашь мне столько шерсти, сколько войдёт в мой дом, и столько самой лучшей пшеницы, сколько я пожелаю.

— Я согласна, Кайлеаха.

Тогда Кайлеаха встала на пороге своего дома, вытянула руки, растопырила пальцы и стала загребать ими, жадно приоткрыв рот и сощурив глаза. И потекла шерсть в ладони волшебницы. До тех пор трудилась колдунья, пока дом до самой крыши не был забит мягкой шелковистой шерстью, самой лучшей шерстью в Иннис Фодхла, так что почти ничего не осталось людям. Затем она прорубила дыру в крыше другого своего дома, и туда полилась отборная пшеница, лучшая в Ирландии. Она лилась до тех пор, пока не осталось места ни для одного зёрнышка. Зато другие люди с того дня почти год не видели белого хлеба.

— Ты получила свою плату, мудрая Кайлеаха, — сказала мачеха Коннеды.

— Слушай меня. Когда вернёшься во дворец, возьми шахматы и пригласи Коннеду сыграть с тобой. Ты сделай вид, что хорошо к нему

относишься. Улыбнись ему. А затем поставь условие: кто побеждает, тот требует что угодно. Ты, конечно, выиграешь. Я помогу тебе. И вот, когда ты выиграешь, прикажи Коннеде или навсегда уехать из Иннис Фодхла или же в течение одного года, запомни — одного года, и одного дня добыть три золотых яблока, вороного волшебного коня и волшебную собаку по имени Сеймер. Всем этим владеет царь подводного царства Лаф Эрне, в котором живут люди-фикболги. Никогда Коннеде не добраться до этого царства, никогда он не выполнит то, что ты прикажешь ему сделать. Я всё сказала, я — Кайлеаха.

С этими словами колдунья отвернулась от мачехи. А та очень обрадовалась и побежала во дворец. Когда она увидела Коннеду, она ласково улыбнулась ему (а ведь сказано: трёх вещей опасайся — копыта лошади, рогов быка и улыбки англичанина) и сказала:

— Славный Коннеда, забудем наши споры. Давай лучше сыграем в шахматы. И тот, кто выиграет, приказывает другому выполнить любое желание.

— Я согласен, жена моего отца. Я никогда не сердился на вас и очень рад, что вы перестали сердиться на меня.

Они сели за шахматный столик и начали играть. И хотя Коннеда хорошо играл в шахматы, а мачеха играла в первый раз в жизни, она выиграла. Сразу исчезла улыбка с её лица.

— А теперь выполняй моё желание, Коннеда, как договорились!

— Я готов, королева, — улыбнулся Коннеда, так как и не подозревал, что ему предстоит сделать.

— Привези мне три золотых яблока, волшебного вороного коня и волшебную собаку Сеймер из подводного царства Лаф Эрне, в котором живут люди-фикболги. И должен ты всё подарить это ровно через год и один день. Запомни: год и день. Иначе не возвращайся.

Задумался Коннеда, закручинился. Понял он, что обманула его мачеха. Но что делать? Раз договорились, надо выполнять обещание. Вздохнул он тяжело и поднялся из-за стола.

— Постой-ка, Коннеда, — вдруг сказала мачеха, — что-то захотелось мне с тобой сыграть во второй раз, чтобы доказать тебе, какой ты глупый человек, да заодно и заставить выполнить ещё одно желание, что потяжелее первого.

От злости мачеха вся тряслась. Так ей хотелось известить Коннеду, так она его ненавидела.

— Я согласен, королева, — ответил Коннеда. — Но и ты должна выполнить моё желание, если проиграешь.

— Куда тебе, дураку, выиграть у меня! — захохотала мачеха.

Они принялись за игру. На этот раз Кайлеаха уже не помогала королеве. И Коннеда, к своему глубокому удивлению, выиграл очень легко. Наступила очередь матери задуматься.

— Теперь послушай моё желание, королева, — сказал Коннеда. — Поднимись вот в ту высокую башню, что возвышается над дворцом, сядь у окна и жди меня там ровно год и один день. Но ничего не ешь. Только то, что принесут тебе птицы. Если я не вернусь ровно через один год и один день, ты свободна.

Коннеда встал и быстро собрался в дальний путь. Откровенно говоря, он не знал, в какую даже сторону ему ехать. Долгое время он ехал куда глаза глядят, пока не вспомнил о своём друге, волшебнике — друиде Фионне Дадхна из области Слеабх Бадхна, что у самого моря среди скалистых гор.

Не раздумывая, он повернул туда.

Волшебник Фионн встретил его как дорогого гостя. Он обнял Коннеду, дал ему умыться с дороги и накормил вкуснейшим обедом.

После того как Коннеда отдохнул немного, волшебник спросил его, зачем он приехал.

— Ты же знаешь, добрый Фионн Дадхна, как не любит меня моя мачеха. Она долго пыталась избавиться от меня и наконец хитростью заставила меня сыграть с ней в шахматы, а выиграв, приказала поехать в страну Лаф Эрне и привезти оттуда три золотых яблока, волшебного вороного коня и волшебную собаку Сеймер. Я даже не знаю, где находится эта страна. И, может быть, ты подскажешь мне, как туда добраться.

— Да, очень сложную задачу задала тебе эта злая женщина. Я сам не знаю, как помочь тебе. Но ничего. Ложись спать. Утро вечера мудренее. Завтра я посоветуюсь со своими друзьями, и мы что-нибудь придумаем.

На следующий день рано утром, когда на землю упали первые лучи солнца, мудрый волшебник Фионн поднялся на лужайку в горах и долго беседовал со своими друзьями волшебниками. Вернулся он печальным и задумчивым.

— О славный Коннеда. Непосильную задачу ты взял на себя. Никто, кроме Кайлеахи, самой великой волшебницы в Ирландии, сестры царя Лаф Эрне, не мог посоветовать такого твоей мачехе. Я не в силах помочь тебе. Правда, есть маленькая надежда. Живёт в горах птица с человеческой головой Еанчинндуине. Это очень мудрая птица. Она знает, что было, что есть и что бу-

дет. Трудно найти её убежище, а ещё труднее туда добраться. Но у меня есть лошадка, маленький пони. Он хоть и мал, и лохмат, но это, честное слово, чудесный конёк. Он домчит тебя до Еанчинндуине за три дня. Как раз в тот день, когда волшебная птица становится видимой простым людям. Но так как это очень своенравная птица, она, возможно, откажется с тобой говорить, возьми вот этот драгоценный камень Лоргмхор и подари ей. Может быть, она посоветует тебе, что делать.

Коннеда с благодарностью поклонился волшебнику, сел на чудесного конька и немедленно отправился в путь.

Стоит ли говорить, что это было полное приключений путешествие! И ясно, что чудесный конь говорил человеческим голосом! И многое рассказал Коннеде.

В общем, наш благородный Коннеда прибыл к птице Еанчинндуине в точно назначенное время.

Птица сидела на скале и пристально смотрела вдаль. На голове её играли лучи раннего утреннего солнца. Когда перед ней появился Коннеда, она лишь склонила голову, как бы спрашивая, зачем он пришёл, этот человек из страны Иннис Фодхла.

— О всезнающая Еанчинндуине! — обратился к ней Коннеда. — Не поможешь ли ты мне в моём деле?

И Коннеда рассказал птице всю свою историю. Но Еанчинндуине молчала. Тогда Коннеда вынул драгоценный камень Лоргмхор и положил его перед волшебной птицей. Еанчинндуине посмотрела на камень, склонила голову ещё ниже и взяла камень своим клювом. Затем, расправив огромные крылья, которые заслонили небо, она проговорила приплыв голосом:

— Сын царя Конномора, славный Коннеда, отодвинь камень, на котором стоишь, достань оттуда волшебный шар и маленькую чашку. Возьми чашку в руки, а шар брось перед собой, садись на своего лохматого коня и следуй за шаром. Он укажет тебе путь. А верный твой конь скажет, что делать. Я всё сказала, я — Еанчинндуине!

Замолчав, волшебная птица сразу же исчезла, как будто её и не было.

Удивился Коннеда. Но сделал всё так, как сказала птица: отодвинул камень, достал оттуда шар и маленькую чашечку, бросил шар перед собой, а чашечку взял в руки. Потом он сел на своего чудесного коня и отправился в путь. Шар ка-

тился перед ним и указывал путь. Долго ехали они или нет, но приехали к огромному озеру, а может быть, и морю. Как только они подъехали к нему, так шар сразу же скатился в воду и исчез.

Расстроился Коннеда. Что же ему теперь делать? Но чудесный его конь вдруг сказал:

— Не расстраивайся, Коннеда! Так и нужно, чтобы шар скатился в воду. А ты сейчас сунь-ка руку в моё левое ухо и достань оттуда маленькую бутылку с живой водой — алхеалем и плетёную корзиночку со специально приготовленным кушаньем. И быстрее слезай с меня, так как ужасная опасность надвигается на нас.

Быстро спрыгнул Коннеда с лошади, и как только спрыгнул — тут же оказался под водой. В подводном царстве. Царство то охраняли жуткие драконы, которые шипели и изрыгали огонь из своих пастей. Это были страшнейшие из созданий, каких когда-либо видели на земле.

— Не теряй времени, Коннеда! — сказал его друг-конь. — Открывай корзинку и бросай кушанье этим драконам. Затем прыгай на меня, и мы помчимся как вихрь мимо них. В это время успеешь бросить в их пасти ещё по кусочку мяса. Тогда мы будем в безопасности. Только не бойся их шипения и огня.

Помчались они прямо на драконов. Те ещё сильнее зашипели и закрутили своими огненными мордами. Страшно, ой как страшно стало Коннеде, но он всё сделал так, как сказал ему конь, и, когда они благополучно миновали драконов, чудесный конёк спросил:

— Ты ещё жив, Коннеда?

— Если честно признаться, то наполовину, — ответил тот.

— Зато мы живы. А ведь это первое испытание! Теперь смотри за шаром.

И точно, шар снова катился перед ними. Долго ли коротко ехали они, как увидели перед собой огромную огнедышащую гору, края которой не было видно.

— Держись крепче, Коннеда! — сказал волшебный конь. — Вот и вторая опасность, что подстерегает нас.

Надо признаться, что Коннеда испугался не на шутку. Подумать только: преодолеть море огня. Но ничего не сказал, а лишь крепче уцепился за гриву коня. Разбежался конь, скакнул в небо и перепрыгнул гору. Коннеду лишь слегка обожгло пламенем.

— Ты ещё жив, Коннеда? — спросил волшебный конь.

— Если честно сказать, то лишь жив и не более, — признался Коннеда.

— Ну, если жив, то, значит, повезёт тебе! Возьми бутылку с живой водой, смочи ею свои раны и немного выпей.

Коннеда смочил раны-ожоги водой-алхеалем, отпил глоток и вновь почувствовал себя сильным, здоровым и свежим.

Поехали они дальше. А шар всё катился перед ними. Наконец увидели они большущий город с высокими стенами. Ворота города охранялись двумя раскалёнными башнями, которые видны были на тысячи километров. Нечего было и думать, чтобы безнаказанно войти в ворота. Как говорится: дом сгорел, зато ворота остались.

— Что же мы дальше будем делать? — спросил Коннеда, убедившийся в мудрости своего волшебного коня.

— Вынь из правого моего уха острый нож. Убей меня. Сними шкуру и спрячься в ней. Тебя никто не заметит, когда ты будешь проходить ворота. Если ты не испугаешься и пройдёшь в город, то уже можешь входить и выходить оттуда сколько угодно раз. Но обещай мне и поклянись мне солнцем, небом и луной, что ты выполнишь своё обещание, а именно: вернись ко мне, отгони жадных воронов от меня, смочи моё тело живой водой — алхеалем, если ещё останется в бутылке, затем заколай меня в землю. Обещаешь ты мне это?

— О мой чудесный конь и друг! —

воскликнул Коннеда. — Что ты говоришь! Ты был таким верным и преданным другом! Как ты можешь оскорблять меня таким предложением?! Нет, лучше я приму самую страшную смерть, чем жертвую дружбой ради каких-то яблок. Ты хочешь, чтобы я потерял свою честь?! Что ты предлагаешь, подумай! Нет! Я не буду слушать тебя и не последую твоему совету. Никогда!

— Эх, Коннеда! — печально прошептал волшебный конь. — Как ты не понимаешь, что, если ты не вы-

полнишь этого, мы оба погибнем. Но если ты сделаешь так, как я советую, то всё будет хорошо. Ты не беспокойся. Разве я обманывал тебя прежде? Почему ты сомневаешься? Делай так, как я говорю, если хочешь, чтобы я не умер страшной смертью и если хочешь меня увидеть ещё раз!

Глубоко задумался верный Коннеда. Понял он, что друг его советует что-то нужное, и решил последовать его совету. Заплакал Коннеда, когда доставал нож из правого уха коня. И как только он направил нож на своего друга, так тот сразу упал, хотя нож его не коснулся. И умер. Горько зарыдал Коннеда и упал на землю.

Сколько времени он лежал на земле, неизвестно, но наконец поднялся и стал делать так, как советовал ему погибший друг.

Затем он пошёл к городу. Никто не помешал ему войти в город.

Это был удивительно богатый город. Много людей жило в нём. Все счастливы они были и смеялись, но Коннеда не обращал никакого внимания на их смех и счастье, потому что всё время думал о своём друге.

Он сделал всего лишь пятьдесят шагов от ворот, как вернулся и направился к останкам чудесного коня, чтобы похоронить его. Когда он подошёл к нему, то увидел огромную стаю ворон, что с хриплым карканьем летали вокруг. Коннеда отогнал их. Вынул бутылку с живой водой — алхеалем. Побрызгал живой водой на мёртвого друга, остальное вылил в маленькую чашечку и влил воду в рот чудесного коня.

Как только он сделал это, конь вдруг ожил и мгновенно превратился в красивого юношу, который бросился к Коннеде и стал обнимать, целовать его.

— Благородный Коннеда! Ты спас мою жизнь! Если бы ты не сделал этого, я так бы и остался мёртвым конём. Я брат царя Лаф Эрне. Меня заколдовала злая моя сестра Кайлеаха. Но она не знала, что я служил волшебнику Фионну. И когда ты пришёл к нему, он отдал меня тебе, так как хотел спасти и тебя, и меня. Теперь ты получишь в награду всё, что ты хочешь!

— Больше награды, чем ты, мне не нужно! — воскликнул обрадованный Коннеда.

— Нет, ты всё-таки достоин её. А теперь войдём во дворец моего брата царя Лаф Эрне. Он очень обрадуется нам.

Обнявшись, они пошли к хрустальному дворцу с золотой крышей, в которой жил царь подводного царства.

Ах, если бы сумел я рассказать вам, как там встретили их, какой пир был устроен. И я там был. Мёд пил...

Подарили Коннеде золотые яблоки с хрустального дерева, что росло в саду, привели волшебного вороного коня и волшебную собаку Сеймера. Затем снова веселились и пели песни.

Много дней прожил Коннеда в царстве Лаф Эрне. И прожил бы дольше, но подходил к концу срок, установленный злой мачехой.

Весь народ вышел провожать его. Сам царь Лаф Эрне помог Коннеде сесть на вороного коня, брат его дал в руки Коннеде поводок Сеймера, и оба они просили, чтобы Коннеда обязательно приехал в гости, просили до тех пор, пока тот не дал твёрдое обещание, что приедет.

Распроставшись с друзьями, Коннеда отправился в путь. Ровно через один год и один день он вернулся в Иннис Фодхла.

А в то время, как Коннеда встречался с многочисленными и удивительными приключениями, мачеха его сидела в высокой башне возле окна и жадно смотрела на дорогу. В тот день, когда Коннеда достиг своей страны, она думала, что это

её последний день пребывания на башне, что Коннеда не вернётся и корона не достанется ему, и Иннис Фодхла станет её владением, и мочу тогда будет Британия...

Вот уже солнце стало опускаться за горизонт. Совсем обрадовалась было злая женщина, как вдруг увидела на дороге Коннеду на чёрном лёгком коне, в руках он держал себрюную цепь, на которой бежал волшебный пёс Сеймер, а из сумки золотым светом сверкали яблоки.

От злости задрожала женщина. Закрыла рукой глаза, чтобы не видеть Коннеду, крикнула:

— Кайлеаха, помоги мне... — и от злости, от бессилия умерла.

А Коннеда посадил яблоки, и выросло огромное дерево. Это было волшебное дерево. Потому что пока оно росло, вновь стали наполняться амбары лучшей пшеницей, вновь стало бесчисленное количество овец на лугах, вновь заплескалась рыба в реках и озёрах. Коннеда жил счастливо до глубокой старости. Народ любил его. В честь его одна из частей Ирландии названа Коннаухт, или Коннеда.

Рис. Г. Ясинского

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ МАРТА

(К фотографиям на 2-й странице обложки)

В ЭТОТ ДЕНЬ именинницы ваши мамы, бабушки, сёстры — труженицы нашей страны, женщины всего мира. Сколько тёплых, добрых слов говорится в этот день в их честь, как радостна тяжесть стопок поздравительных открыток, писем и телеграмм, оказавшихся в почтовых ящиках.

Веками тёмные силы стремились поставить женщину в зависимость, угнетённое положение. Считалось позорным, если женщина занимается наукой, искусством, общественной деятельностью.

Союз Советских Социалистических Республик — первая страна в мире, которая объявила о полном всеобщем равноправии. В нашей стране появились женщины-учёные, женщины-дипломаты, женщины — Герои Труда.

Всё, что нас окружает, создано трудом. И огромную роль в создании богатств Земли играют женщины.

Недаром год 1975 объявили Международным годом женщин. Ведь во многих капиталистических странах женщины всё ещё бесправны и угнетены. Во многих уголках земного шара ещё продолжается борьба за равноправие, за всеобщее счастье.

Давайте же поздравим всех наших родных, наших мам, сестёр, бабушек с праздником 8-е марта, вместе с ними пожелаем счастья и успехов всем мамам, сёстрам и бабушкам нашей голубой и зелёной планеты Земля!

Несколько наших современниц вы, ребята, можете увидеть на фотографиях, опубликованных на 2-й странице обложки.

Кто же они!

На снимке (второй сверху, слева) — лётчица гражданской авиации, командир экипажа Л. Белеменко.

Валентина Григорьевна Зайцева, которую вы видите на первом снимке, уже двадцать два года работает в начальных классах 64-й ленинградской школы. Валентина Григорьевна участвует в научном эксперименте, цель которого выяснить возможность обучения ребят в школе с шестилетнего возраста.

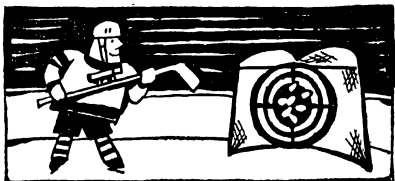
В семье конструктора Лии Александровны Боженко — все потомственные корабели. Сама Лия Александровна тоже увлекается романтикой моря. По её галереям и каравеллам, бригам и бригам, шлюпам и фрегатам, изображённым на картинах, можно проследить всю историю мирового и отечественного парусного флота. Все картины Боженко выполнены... из обыкновенной соломы. Л. А. Боженко (снимок внизу).

На заводе слонстых пластиков работает комсомолка Антонина Белозерова (вверху, справа). Ударник коммунистического труда, депутат Калининского районного Совета депутатов трудящихся Тоня Белозерова освоила несколько смежных профессий: аппаратчика, прокатчика, прессовщика, лаборанта. Белозерова одна из первых на заводе подхватила почин «Пятидневное задание — в четыре дня!».

На снимке (второй сверху, справа) — Наташа Лашинская, член общества «Буревестник». Она неоднократная чемпионка Ленинграда по художественной гимнастике.

РЕКОРДЫ ХОККЕЯ

САМЫЙ крупный счёт в летописях чемпионатов СССР по хоккею был зафиксирован в 1947 году, когда московская команда «Динамо» забросила в ворота ужгородского «Спартака» 23 безответные шайбы.

САМЫМ результативным хоккеистом одного матча в играх чемпионатов СССР является В. Бобров, забивший в ворота ленинградского «Динамо» в 1951 году десять шайб.

САМОЕ первое изображение хоккеиста на почтовой марке появилось в 1948 году. На марке, выпущенной Швейцарией к V зимним Олимпийским играм в Санкт-Морице, был изображён страж ворот, готовый к отражению броска.

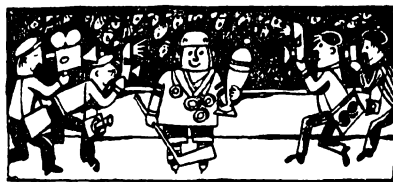
САМЫЙ крупный результат в матчах чемпионатов мира по хоккею с шайбой был зафиксирован в 1949 году, когда сборная Канады победила сборную Дании со счётом 49 : 0.

САМЫМ метким бомбардиром советской сборной по хоккею был В. Бобров, который, участвуя в 28 матчах на первенство Европы, мира и на Олимпийских играх в 1954—1957 годах, забросил в ворота противников 34 шайбы, т. е. в среднем по 1,2 шайбы за игру. Такого высокого показателя меткости не имеет ни один из играющих ныне советских хоккеистов.

САМЫМ частым противником сборной СССР по хоккею с шайбой являлась сборная Швеции. За 20 лет существования нашей сборной спортсмены СССР встречались со спортсменами Швеции 76 раз.

САМЫЙ первый в своей истории международный матч сборная СССР по хоккею провела 29 января 1954 года со спортсменами Финляндии.

САМЫЙ первый в СССР матч по хоккею с шайбой состоялся 17 февраля 1946 года на московском стадионе «Динамо». А 22 февраля 1946 года в пяти городах страны начались игры первого хоккейного чемпионата СССР.

САМЫМ первым большим комплектом золотых медалей, завоёванных на первенствах мира, Европы и на Олимпийских играх, из советских хоккеистов обладает А. Рагулин. Он был удостоен звания чемпиона мира 10 раз, чемпиона Европы 9 раз и чемпиона Олимпийских игр 3 раза.

САМЫЙ первый хоккейный вратарь, который надел на лицо защитную маску,—известный канадский спортсмен Жак Плант. Это произошло 2 ноября 1959 года в Нью-Йорке на одном из матчей чемпионата канадо-американской хоккейной лиги (НХЛ).

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

собрал В. Козицкий

ЛЕБЕДИНАЯ ИСТОРИЯ

На озере Каниер в Латвии произошла трогательная лебединая история. Потомство у лебединой пары появилось поздно. Надвигались холода, а молодняк никак не мог подняться в небо. Полыньи становились всё меньше. Родители уже не ночевали на озере — улетали на Рижский залив. Возвращаясь, они снова звали в небо своих детей.

Трагическое положение лебединой семьи заметили охотоведы Каниерского охотничьего хозяйства, и, как только лёд со всех сторон окружил пернатых пленников, они прибились на лодке к полынье и забрали

молодых лебедей. Лебеди-родители много раз прилетали на озеро, но там было пусто...

Весной на Каниеру намного раньше сородичей прилетели два лебедя. Те самые! А через пару дней на берег озера пришла машина и привезла трёх молодых лебедей, спасённых осенью. Зиму они провели в Рижском зоологическом саду.

Выпущенные на озёрный простор, молодые птицы устремились навстречу прилетевшим. И чем ближе подплывали молодые, тем заметнее волновались «старрики»: они узнали своих птенцов.

ПОЛЁТ... ВНИЗ ГОЛОВОЙ

Студент Калифорнийского университета (США) Джон Леджett установил необычный рекорд. Пилотируемый им самолёт пролетел 400

километров вверх колёсами, а сам Леджett — вниз головой.

Этот необычный полёт продолжался 2 часа 4 минуты.

САПОГИ С ОБОГРЕВОМ!

На вид это обычные сапоги. Но на голенище — кармашек, а в нём — аккумуляторная батарея, провода, ведущие к стельке. Стелька — своеобразная электропечка. Состоит она из трёх тонких слоёв. Два наружных служат изоляцией, а промежуточный — гибкая полимерная пластинка, пропускающая ток, — грелка.

Такая обувь предназначена для жителей Крайнего Севера.

КАРТИНА ДЛИНОЙ... 700 МЕТРОВ!

Вряд ли кому приходила в голову мысль применить к производству искусства такую мерку, как длина. Именно эта мысль овладела умами художников-убийц из западногерманского города Бад Мюнстерайфель. Тысячи человек участвовали в создании этой картины. Полотном послужила проезжая часть одной из городских улиц.

Чтобы удлинить срок жизни своего творения, художники использовали лаковую краску и израсходовали её немало — 2500 килограммов!

...почти 40 тысяч гектаров занимает новый заповедник, созданный в горах Нуратау! Под охрану егерей здесь взяты горные козлы архары, дикие бараны Северцева, кабаны, куницы и другие редкие животные. Теперь в Узбекистане девять заповедников. Среди животных, взятых человеком под защиту, немало таких, которые занесены в «Красную книгу» ЮНЕСКО. Проведенная перепись обитателей заповедников показала, что численность животных и птиц постоянно растёт.

...есть «звучащий термометр»! Это небольшое насекомое кобылка-савинья, обитающая в каменистой пустыне Казахстана. В холода кобылка, взлетая, потряскивает крыльями, и это напоминает звук скрипичной струны. А поднимается температура до 30 градусов, и к обычной песне добавляется крик, схожий с пичьем.

...австралийские учёные разработали метод получения «зеленого» хлеба из травы! Этот хлеб богат белками и очень питателен. Выпеченная буханка имеет бледно-зелёный цвет и приятный вкус. Технология приготовления включает несколько процессов. Сначала траву выжимают, готовят экстракт, богатый белками. Затем питательные вещества превращают в гра-

нулы. Из полученной «зелёной» муки и выпекается хлеб.

...Лондон медленно, но верно погружается в воду! Со времени основания он уже опустился более чем на пять метров. Хотя погружение на 30 сантиметров в столетие не очень существенно, опасность затопления города Темзой весьма реальна. Тем более что система предупреждения возможных наводнений не соответствует современным требованиям.

...Токио, столица Японии, по загрязнённости атмосферы занимает одно из первых мест в мире! Чтобы как-то помочь населению, в городе, прямо на улицах, поставлены автоматы для продажи кислорода. Бросишь в его щель монету в 50 йен — и в маску поступает строго определённая порция кислорода. Ну а если монеты нет, дыши как знаешь.

...в Швейцарии выпускается светочувствительная бумага «Ровалтест», не требующая проявления! Эта бумага фиксирует изображение, как и обычная фотобумага, с негатива, освещаемого светом, но без обработки химическими проявителями. Более того, изображение с неё можно снять путём нагревания, а бумагу использовать повторно. Долговечность бумаги «Ровалтест» — до 1000 снимков.

...в краеведческом музее города Донецка выставлена скульптура человека в полный рост, высеченная из одного куска кристаллической соли! Соляной человек, по рассказам арёмовских соледобытчиков, был вырублен ещё в прошлом веке. Скульптура многие десятилетия оставалась под землёй как местная достопримечательность. Но увидеть соляного человека хотели многие. Было решено выдать его «на гора» и определить в музей.

...гриб весом 25,6 килограмма, высотой 40 сантиметров нашёл этой осенью житель Молдавии А. Иванов! Сомнения насчёт съедобности гигантского гриба рассеяли знатоки. Они установили, что находка — «курчавый дрягель». Лакомились приготовленным хозяйкой дома грибным блюдом по меньшей мере три десятка человек.

...самая высокая в мире телевизионная башня строится в Торонто [Канада]! Высота её — 550 метров. На смотровую площадку на высоте 360 метров посетители поднимут скоростные лифты. Башня будет использована не только для радиотелевизионных передач, но и для контроля за автомагистралями города.

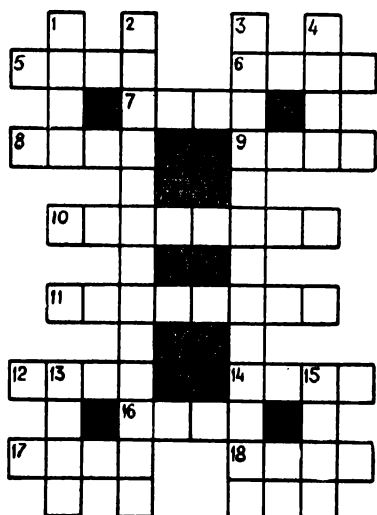
...редкую операцию произвели в Чикагском зоопарке [США]! Катаракта, обнаруженная на глазах у уссурийского тигра, грозила ему слепотой. Директор зоопарка, он же хирург-ветеринар, заменил помутневшие хрусталики пластмассовыми. Операцию у столь беспокойного и опасного «пациента» удалось благополучно завершить с помощью успокоительных средств.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Акемтьев

По горизонтали. 5. Отделка из кружев или легкой ткани на женском платье. 6. Пищевой продукт, изготавливаемый из винограда. 7. Характер. 8. Вещество, загружаемое в доменную печь между слоями руды и топлива. 9. Млекопитающее. 10. Персонаж одного из известнейших произведений А. Толстого. 11. Внешняя часть порта. 12. Изображение, полученное с помощью светочувствительного слоя,

подвергаемого действию световых лучей. 14. Термин, применяемый в бухгалтерии. 16. Река, впадающая в Северное море. 17. Французские партизаны во второй мировой войне. 18. В греческой мифологии — сын Дедала, улетевший из плена на крыльях из перьев, скрепленных воском.

По вертикали. 1. Единица оценки степени или интенсивности какого-либо явления. 2. Музыкальная школа. 3. Вертикальная съемка местности. 4. Состав лиц, выделяемых учреждением или обществом для выполнения определенной задачи. 13. Замкнутая кривая. 15. Бог неба в древнегреческой мифологии.

СОСТАВЬ САМ КРОССВОРД

ЛИШНЕЕ СЛОВО

Найдите слово, которое не обладает каким-то признаком, общим для остальных слов каждой группы.

1. Пирожное, грабли, книга, волан, валун, гитара, мяч, клещи, ножницы.

2. Обувь, лимон, Вега, калий, акула, лама, укол, Русь, Оман, опера, Колыма, опрос, просо, опись.

По горизонтали. 4. Пароход. 7. Плед. 8. Мята. 9. Скат. 12. Вага. 14. Жуковский. 15. Каса. 17. Апаш. 20. Трек. 21. Клён. 23. Пльзень.

По вертикали. 1. Крон. 2. Карета. 3. Коряга. 5. Эпос. 6. Сажа. 10. Круча. 11. Тропа. 12. Висла. 13. Грива. 15. Кета. 16. Стекло. 18. Полено. 19. Шина. 22. Узор.

Пользуясь данными словами и их порядковыми номерами, восстановите рисунок кроссворда.

ШАРАДА

Один предлог, затем другой,
и первый слог пусть будет твой...
Второй же очень нужен мне:
он над диваном на стене.
Не для одной красы висит:
в нем лампа яркая горит.
Сложить два слога можно,
Но... будьте осторожны!

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 2]

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Самородок.
6. Скот. 8. Квас. 11. Лира. 12. Убор.
13. Агрегат. 17. Стык. 18. Румб.
19. Ара. 20. Слив. 22. Жюри. 25. Роль.
26. Коро.

По вертикали. 1. Парк. 2. Мост.
3. Подк. 4. Вода. 6. Сало. 7. Отрог.
9. Вобла. 10. Сера. 13. Автол. 14. Рукав.
15. Гараж. 16. Тембр. 20. Сари.
21. Игла. 23. Юмор. 24. Итог.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Лишний — арбуз. В названиях остальных изображений содержатся ноты (мина, дерево, факел, дом).

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Верша, шабер, бердыш, дышло, лоно, нонет.

Содержание

Мамин день. Стихотворение Оли Машкит	1
Живи, солдат! Окончание повести Р. Погодина	2
Прошу слова. Детские стихи. Утро. Весеннее. Стихи Геннадия Морозова	16
Она сражалась на баррикадах Коммуны. Очерк Эд. Аренина	18
Здравствуй, Алия! Отрывки из поэмы Константина Деркаченко	23
Исповедь Мавра. Очерк К. Курба- това	27
Ну и повар! Стихотворение А. А. Милна	36
Сон. Тимуровцы. Стихи Е. Ефи- мовского	37
Вампум Оцеолы. Продолжение повести Лизелотты Вельскопф- Генрих	38
Каскадёр. Очерк В. Никифоро- ва	46
История о храбром, умном и благородном ирландце Конне- де... Сказка И. Сергича	52
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки: «Поад- раваем!» Рисунок Ю. Шабанова	
На 2-й странице обложки: «Вось- мой день марта». Фото О. Миронца	
На 3-й странице обложки: «Первое солнце». Фотоэтиюд К. Янушко	
На 4-й странице обложки: «Вот так вратарь!» Рисунок А. Куру- шина	

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 20/1 1975 г. Подписано к печати 10/III 1975 г. 4 п. л.
М-26101. Зак. № 34. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Хорош вратарь! Ну, просто нет цены.

Но, к сожаленью, только до весны.